

A painting of a park bench with a tree and colorful foliage. The bench is made of dark wood and is positioned in the lower right. The background is filled with vibrant, abstract colors like red, yellow, and blue, suggesting a lush, colorful environment. The style is expressive and somewhat impressionistic.

Светлана Рассказова

*Ожидаемая
встреча*

Светлана Рассказова

**Ожидаемая встреча.
Избранное в новеллах**

«Издательские решения»

Рассказова С.

Ожидаемая встреча. Избранное в новеллах / С. Рассказова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859884-5

В книге собраны лучшие новеллы автора, написанные легко, хорошим русским языком, с обязательной интригой и «выстрелившим» окончанием.***Легонько кисточкой мазнуть,Тихонько прикоснуться к «клаве»,Реал и вымысел сомкнуть,Писать, не думая о славе.

ISBN 978-5-44-859884-5

© Рассказова С.
© Издательские решения

Содержание

Телефон	6
Библиотекарь	17
Писательница	28
Сказание об Анне	37
Графинюшка	46
Курсистка и городской	56
Серёжки с камушками	63
Подстилка	73
Нюрка-санитарка	81
Неизбежность края	84
Пропавшая	88
ГераВера	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ожидаемая встреча Избранное в новеллах

Светлана Рассказова

Иллюстратор обложки Катя Пальчикова

© Светлана Рассказова, 2019

ISBN 978-5-4485-9884-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Нам относиться бы к себе чуть строже,
Не торопиться жить, понять и разглядеть!
И пусть простит нас за ошибки Божье:
Творцу за Миръ земной приходится «краснеть».*

*А впереди пока – вопросы без ответов!
Мечты и грёзы меж собой почти равны:
Желанием увидеть множество рассветов
И новый день. Конечно, без войны!*

Телефон

УЧИТЕЛЬНИЦА

В последний день учебного года в пятом классе, который вела молодая учительница Дарья Владимировна, случилась большая неприятность. У одного из лучших учеников украли телефон¹. Когда успели? Непонятно... Утром телефон был у хозяина, а после торжественной линейки учительнице сообщили о пропаже. Причём сообщила мама Кости, состоящая в родительском комитете и присутствующая на празднике.

Бедная Дарья Владимировна испытала настоящий шок: такого случая в её замечательном классе никогда не было. Своих подопечных она хорошо знала и любила, потому не могла поверить, что кто-то из них мог совершить кражу. Нет и нет! Это какая-то ошибка или недопонимание.

С этими правильными и чистыми мыслями она вошла в класс.

– Ещё раз здравствуйте! – благодушно, но без улыбки поприветствовала ребят Дарья Владимировна. – Я поздравляю вас с окончанием учебного года! Вы хорошо потрудились и достойны приятного отдыха. – Дарья Владимировна перевела дух и продолжила, – а теперь прошу достать свои рюкзаки и внимательно просмотреть их содержимое. Возможно, там окажется чужой телефон... Совершенно случайно, – добавила она, почти заикаясь.

– С какой стати чужой телефон может оказаться в моём рюкзаке, – в брезгливой улыбке сложила губки отличница Настя.

– Ребята, ещё раз говорю! Это могло произойти случайно, – виновато повторила учительница, будто сама совершила неблагоприятный проступок.

– А чей телефон? – раздался голоса учеников.

– Мой, – громко ответил Костя Николаев.

– Ооо! Телефончик – крутяк! Здоровский! – опять чуть не хором послышались выкрики детей.

– А может ты его дома отставил? – резонно задала вопрос Настя.

– Нет. Он был со мной. До торжественной линейки я разговаривал с папой, после положил его в рюкзак, рюкзак остался в классе, а класс закрыли на ключ.

Дарья Владимировна исподтишка разглядывала своих пятиклассников и никого из них заподозрить в краже не могла. А дети продолжали сыпать вопросами и тут же на них отвечали. Дескать, пользоваться чужим телефоном не так-то просто! Если очень захотеть, то воришку можно вычислить по первому звонку, а потому лучше его продать цыганам, только стоит ли пачкаться? Слушая рассуждения ребят, Дарья Владимировна осознала, насколько они уже взрослые и знающие жизнь в каких-то вопросах лучше, чем она.

Потом она отпустила детей по домам, оставив только Костю, и отдала ему собственный телефон, подаренный ей в этом году родительским комитетом на 8-е Марта.

Все разошлись.

Школа опустела.

---

¹ – телефон, смартфон, гаджет – в рассказе в основном именуется, как «телефон».

До следующего учебного года...

МАЛЬЧИК

Вечером этого же дня один мальчик – виновник случившейся неприятности, спокойно пришёл в школьный двор, подошёл к старому клёну и из расщелины в стволе достал украденный телефон. Радости от владения крутой вещью у него уже не было, а было сожаление об испорченном настроении Дарье Владимировне. Иногда ему казалось, что учительницу он любил больше, чем маму, ведь та с ним часто и по-доброму разговаривала. А за Костика он вообще не переживал: ему купят новый, ещё и лучше прежнего! Он их каждый год меняет.

С интересом разглядывая красавец телефон, мальчик повертел его в руках, а вспомнив предположения одноклассников о «первом звонке», пользоваться не стал. Но не выбрасывать же то, что досталось легко и даром! У него-то телефон старый, который даже выкинуть не жалко. И он подумал о цыганах, скупающих у автовокзала золото и перепродающих подержанные гаджеты. Вспомнил, как его мама совсем недавно продала им свои золотые часики, чтобы дожить до зарплаты, почему-то не выданной вовремя. Мальчик тогда обратил внимание на жадный взгляд толстой цыганки, буквально выхватившей из маминых рук часики. «Они старинные и из настоящего золота», – заискивая, говорила мама, пока покупательница отсчитывала деньги.

Вечером этого дня она ничего особенного в поведении своего ребёнка не заметила. Не до того! Растила мальчика одна, много работала, приходила поздно, и где бывал сын кроме школы, не ведала. А паренёк полюбил слоняться по улицам, с завистью разглядывая витрины с дорогой техникой и красивыми автомобилями. Ничего... Когда-нибудь всё это у него обязательно будет!

На другой день он пошёл к автовокзалу. Путь был неблизкий, но начались каникулы и мальчик даже обрадовался поставленной самому себе задаче. И ещё издалека заметил группу цыганок, что-то между собой обсуждающих, размахивающих руками, но не забывающих выкрикивать каждому человеку, проходящему мимо: «Покупаем золото и телефоны! Дорого!»

Ту самую толстую цыганку мальчик узнал сразу и ждал, что она удостоит его своей дежурной фразой. Но тётка глянула поверх ребёнка, выискивая глазами более подходящего прохожего. Пришлось ему самому обратить на себя внимание, дотронувшись её руки:

– Тётенька?

– Чего тебе? – цыганка мимоходом глянула на мальчика.

– Купите телефон?

– Покажи.

– Вот, – и он достал из кармана последнюю модель Nokia.

– Оо! – у цыганки алчно сверкнули заплывшие глазки, – откуда он у тебя?

– Мой!

– Я посмотрю? Не бойся! – и она взяла телефон в руки, – зачем продаёшь?

– Деньги нужны.

– Подожди, я сейчас, – она повернулась к своим товаркам и стала с ними о чём-то шептаться, кивая головой в сторону мальчика, а после спрятала телефон в один из карманов своих многочисленных юбок и продолжила работать, совершенно «забыв» о юном продавце.

Мальчик догадался, что его просто-напросто «кинули». Обида переросла в злость, он поднял с земли камень и замахнулся на толстуху:

- Отдай телефон!
- Иди отсюда! Телефон ворованный. Сейчас полицию позову! – заблажила та.
- Отдай или убью!
- Помогите! – заорала цыганка и побежала прятаться в здание автовокзала.
- Гадина! – крикнул мальчик, кинув камень ей вслед.

Камень попал в стеклянную витрину, осколки которой брызнули по сторонам. Завыла сигнализация, зашумели люди...

Мальчик помчался через незнакомые дворы и кварталы. Бежал долго! Остановившись передохнуть, сжал кулаки и побелевшими губами прошептал: «Подожди! Я ещё вырасту...»

А цыгане, вовремя смывшись, выждали время, когда обстановка на оттопанной за многие годы территории утихомирится, продолжили обихаживать прохожих дальше.

ЦЫГАНЕ

Скупкой золота Лала занималась давно и успешно. Имела большую семью и могла бы перепоручить свой бизнес более молодым родственникам, но привыкла никому не доверять. За молодыми, мечтающими отделиться и жить собственным домом, нужен глаз да глаз. Потому она против разделения: раньше одним табором жили, вместе кочевали, а теперь только поженятся, и сразу им коттедж подавай! Ишь, размечтались! Всеми своё время. Пусть сначала поторгуют китайским барахлом, гадать, то бишь врать научатся так, чтобы им верили, а уж после живут, как захотят. И муж с такой её установкой полностью согласен. Род их большой и сильный! Скоро ещё одного внука женить будут: женишок, правда, молоденький – только четырнадцать исполнилось, но по цыганским обычаям юный возраст для семейного счастья не помеха.

– Как день прошёл? – вечером, после непростого трудового дня, спросил муж – ещё не старый седой цыган.

- Есть кое-что, – и Лала, порывшись в своих карманах, вытащила пакетик с золотом.
- Неплохо, неплохо, – довольно заулыбался супруг.
- А ещё новенькая Nokia. Можно Марко на свадьбу подарить.
- Смотри-ка! И впрямь новенькая. А ты чего такая бледная сегодня?
- Да пацан один расстроил, чуть не прибил. Сердце прихватило...
- Кто такой?
- Не знаю. Камень в меня швырнул, витрину автовокзала разбил.
- Что хотел?
- Деньги за телефон.
- Не заплатила, что ли?
- А зачем? Он явно ворованный.

– Твоё какое дело! Я же велю платить за товар любому. Теперь с полицией разбирайся, стекло в витрине вставляй! Давно небитая ходишь? Так я могу, – неожиданно повысил голос цыган и... осёкся, – Лала, Лала, ты чего? О, Господи! Кто-нибудь, помогите! Бабке плохо!

Пока вызывали скорую помощь, пока она приехала в цыганский посёлок, что на самом краю города, Лала умерла.

Цыган плакал навзрыд, никого не стесняясь. Столько лет вместе! И как ему жить без неё? И кто теперь будет за порядком в их большом доме следить, мирить между собой зятьёв и невесток, присматривать за работниками, а как же свадьба внука? Ох, Лала, Лала! И чего тебе не жилось? Не жадничала бы, может, и... Теперь ещё о похоронах думай...

Он позвал старшего сына и поручил ему заняться достойным погребением матери, не жалея на это денег, и, не забывая позвать на поминки всех родственников. От пережитого стресса у него жутко разболелась голова. Он прилёг на диван, где умерла Лала. Диван теперь «нечистый» и его надо выбросить, но это после... На столике всё ещё лежал принесённый женой пакетик с золотом и Nokia. В дверь постучали, вошёл работник.

- Вечер добрый! Лалу жалко, – сказал он, склонив голову в поклоне.
- Тебе чего?
- Поговорить надо.
- Не до того. Давай завтра, а лучше после похорон...
- Не могу больше ждать, хозяин.
- Уйти хочешь?
- Хочу. Ты же обещал!
- Я помню, и слово сдержу, но...
- Тогда уйду без паспорта. Прямо сейчас!
- Дурак! Поймают. Навешают чего ни попадя, в тюрьму загремишь.
- Не поймают!
- Ты хоть что-то о себе вспомнил?
- Нет. Не вспомнил и вспоминать не хочу. Привык. Даже к своему прозвищу «Беспамятный» привык.
- Куда собрался?
- На Донбасс. Парень с соседней улицы туда завтра едет и меня с собой зовёт.
- Зачем тебе война? Работай здесь, женишься, детей нарожаешь.
- Кому-то надо правду защищать.
- Тебя обидели или ты голодный?
- Спасибо, хозяин! Никто не обидел, я сыт.
- Ох, огребёшь по макушку! Помню, как нашли тебя избитого у реки. Выходили, кров дали, еду, работу, а ты...
- Прости! Но не могу я больше прятаться за твоей спиной. За наших постоять хочу.
- Ладно, Беспамятный, иди, раз приспичило. Паспорт тебе дам, правда, чужой. Помнишь плотника Ивана?
- Который на мотоцикле разбился?
- Его. Такой же носатый и лысый как ты. На фотографии в паспортах особо не всматриваются, так что сойдёт. Денег дам!
- Паспорт возьму, а денег не надо, своих немного скопил. На дорогу хватит, а там разберусь...
- Не выжить тебе. Совсем простой!
- Уж как получится!
- Вот что! Возьми-ка телефон. Пригодится. Лала сегодня принесла, – у цыгана опять навернулись на глаза слёзы.
- Я в этих телефонах ничего не понимаю.

- Возьми, возьми. Ты же молодой ещё. Не научишься сам – научат другие.
- Спасибо за всё!
- Иди! Голова раскалывается...

Работник, благодарно кивнув, приложил руку к сердцу и, равнодушно засунув телефон в карман, вышел из хозяйских покоев.

СТАРУШКА

Вовсе опустело сельцо Жердяевка, да и самого сельца, почитай, уже не было. Остались несколько полуразрушенных домов и очень старая кузня. Жители давно разъехались в разные стороны по родственникам: кто на север, а кто на юг. Жила здесь одна баба Маша. Сначала уезжать не хотела – дом караулила, а когда от него остались одни стены, возможности уехать уже не было. Транспорт мимо не ходил, кроме редких военных машин, которых она боялась. Но сегодня старушка всё-таки решила уйти из родного села. Пешком. Надеялась, что бог не оставит и поможет ей выбраться поближе к людям. Смастерила из наволочки по старой памяти вещмешок, как это делала её матушка в войну с немцами, засунула в него тёплую кофту, носки, банку сайры, горсть карамелек, спички, паспорт, пенсионное удостоверение и зачем-то документы на собственный дом, стоявший без крыши и без окон.

Вот так, по её разумению, правильно собравшись, лениво подумала, что с утра ещё ничего не ела. Есть не хотелось, но впереди путь неблизкий, потому решила подкопать, а затем испечь молодой картошки, кустики которой зеленели вокруг воронки, образовавшейся от большого снаряда прямо посередине огорода. Взяла лопату, выбрала куст поразвесистее и со всех своих старческих сил всадила лезвие в землю...

И вдруг услышала рядом самую обычную телефонную трель. Вздогнула, напряглась: может ей показалось? Оказалось – нет! Звонок повторился, причём, требовательно и настойчиво. Несмотря на немолодые годы, слух баба Маша имела неплохой, потому ошибиться не могла. Она отложила лопату и крадучись пошла в сторону звонка...

Там, где кончался её огород, в густом подсолнечнике лежал окровавленный мужчина, одетый в пятнистую военную форму. Он был мёртв. Это старушка определила сразу. Телефон мужчина держал в руке у самого уха. Видимо пытался сообщить о себе, но не успел. Тогда она решила сделать это за него и, совершенно не брезгуя, вытащила телефон из руки погибшего.

Это была Nokia.

Отобранная цыганкой у мальчика.

– Але, але! Умер ваш товарищ, умер! – закричала она в трубку, не коснувшись зелёной кнопочки. Обращаться с гаджетом старушка не умела. Ещё до этой войны внучка отдала ей свой старенький телефон, но там всё было просто. А тут картинка на экране с разноцветными небоскрёбами, будто настоящее кино!

Баба Маша сунула умолкнувший телефон в кармашек фартука и, недолго думая, опять взялась за лопату. Только теперь цель её была другая. Забыв о картошке, спустилась в воронку и стала рыть там могилу. Рыхлая земля копалась легко, и она быстро управилась.

– Эх, миленький... Никто тебя тут не нашёл бы! Собаки голодные стаями рыщут, растерзали бы и кусочка не оставили. И за кого же ты воевал? За белых, али за красных? И чего тебе дома не сиделось! Совсем молодой ещё! И детки без отца остались, и жена без мужа. Ну, да ладно... Герой ты, али не герой – лежи теперь здесь. Земелька тёплая, лицо я тебе своим платочком накрою. И пусть тебя встретят добрые ангелы, и пусть Господь примет в Царствие Небесное...

Так она говорила и говорила, закапывая неизвестного вояку в нагретую солнцем землю. После нарвала цветущих подсолнухов и положила их на свежую могилу. Уморившись, присела на давно упавшую от взрыва шелковицу, немного отдохнула, взяла свой вещмешок и, выйдя на дорогу, заковыляла в сторону города.

ЖУРНАЛИСТКА

Журналистка одного из популярных новостных телеканалов Европы уезжала домой. Материала она собрала предостаточно, причём, самого разного. Была у неё задумка сделать фильм не о противоборствующих сторонах в настоящем конфликте – пусть сами разбираются каждый в своей правде, и даже не о самом конфликте, а о людях. Самых обычных людях – выживших и не потерявших разум!

Она соскучилась по дому, по своему парню, мечтала о тёплой ванне и хорошем ужине. До городского аэропорта оставалось не больше часа езды, когда из окна старого УАЗика разглядела идущую по обочине женщину. То, что женщина немолодая, можно было понять по походке и одежде – длинной чёрной юбке и блузке, больше похожей на мужскую рубашку. Поравнявшись с ней, девушка попросила шофёра остановиться.

- Бабушка, вы в город? – спросила она.
- В город, дочушка, в город.
- Вас подвезти?
- Подвези, милая, подвези, если не в тягость, – не отказалась от предложения прохожая.
- И долго вы так идёте? – опять спросила девушка, помогая женщине усесться рядом.
- Ещё до обеда вышла.
- А откуда?
- Из Жердяевки.
- О! Так вы километров пять отшагали! Устали, наверное?
- Притомилась. Но с думами идти легче.
- О чём же думы, бабушка? – не унималась молодая журналистка.
- Так о жизни, милая, о жизни.
- Мы проехали вашу Жердяевку. В ней пусто. Как же вы там жили?
- Так и жила. В огороде работала, картошку растила, пока в неё снаряд не угодил.
- Голодали, наверное?
- Что ты! В разбитых домах еды полно. Люди, когда уходили, много съестного оставляли. Крупа, консервы, варенье, даже конфеты были. Хочешь – угощу!
- Что вы, что вы, не надо! Вам ещё самой пригодятся.
- Ну, гляди... Мне не жалко.
- А дети у вас есть? – продолжила вопрошать девушка.
- Где-то есть, но где, теперь не знаю. Одна дочь в Красноярске жила, другая в Бишкеке, а внуки в других краях. Сейчас не вспомнить где...
- Почему же они вас к себе не забрали?

- Зачем? Я раньше хорошо жила! Дом был, хозяйство и пенсия тоже.
- Они вас навещали?
- А как же! В гости приезжали, это я хорошо помню. А ты, дочка, почему не чисто на нашем говоришь? – неожиданно спросила старушка.
- Я француженка.
- Аааа. Вон чего... Француженка, значит. Не думала, что среди ваших бывают рыжие, – намекнула старушка на огненный цвет волос журналистки.
- Рыжие везде бывают, – улыбнулась девушка.
- И как там у вас во Франции? Не воюют?
- Нет, бабушка, не воюют.
- Это хорошо. Когда не воюют, это всегда хорошо, – на ушко, будто по секрету, прошептала старушка, закрыла глаза и задремала.

Девушка не стала больше доставать её вопросами.
Вскоре показались многоэтажки и заводские трубы.

- Вот и город! Приехали, – сказала она и спросила мгновенно проснувшуюся пассажирку, – вы, где хотите выйти?
- На рынке. На рынке не пропадёшь, а там видно будет.

Через несколько минут УАЗик остановился у рынка, она помогла старушке выйти.

- Счастливо вам, бабушка!
- И тебе счастливо! А это за твою доброту, – старушка вынула из кармана фартука телефон.
- У меня такой есть. Зачем отдаёте? Его продать можно, – стала отмахиваться от подношения журналистка.
- Бери, бери! Нехорошо старого человека обижать.
- Спасибо! – девушка спрятала телефон в рюкзачок, они простились, и машина покатила дальше в аэропорт.

Ожидая вылета, француженка думала о поездке, о людях, встретившихся ей в чужой стране, что мысли и желания у всех одинаковые – это спокойная и достойная жизнь. А в двадцать первом веке это вполне возможно! Нужно только захотеть...

Она достала подаренный ей телефон и даже не удивилась, что хозяин у гаджета не один. СМСки писались Косте и Ивану. Старушка, видимо, этот телефон где-то нашла... Не украла же? Костю спрашивали, поедет ли он в летний лагерь, а Ивану советовали обойти блокпост немного левее. Девушка догадалась, что симка в телефоне не менялась, возможно, из-за каких-то серьёзных проблем, и решила дома внимательно изучить все сообщения, а потом, практически не придумывая сюжет, написать рассказ или повесть.

ТУРИСТКА

Сегодня Дину радовало буквально всё! И толпы любопытных туристов, обозревающих один из прекраснейших городов мира, и солнечный день, и собственное настроение, и, конечно же, её покупка, ради которой она приехала в Париж!

В это свадебное платье из белого тонкого кружева, на подкладке из натурально шёлка она влюбилась сразу, как увидела. Заволновалась жутко! Оно было не «от кутюр», а «прет-а-порте», но ничуть не хуже, и куплено в дорогом бутике. Правда, в талии оказалось чуточку свободным... Ну и пускай – не наоборот же! Её знакомая мастерица исправит этот маленький дефект так, что никто ничего не заметит.

Самолёт вечером, платье упаковано и ждёт торжественного выхода через пару недель под марш Мендельсона, а сейчас она просто гуляет и наслаждается видами города. Нет и нет! Умирать здесь она не собирается, у неё всё хорошо. Просто одной фразы – «платье из Парижа» – достаточно, чтобы сразить наповал завистливых подружек. А вот несколько интересных снимков она обязательно сделает. Все вокруг «селфятся». Здорово придумано! И никого не нужно просить, напрягать – сам себе режиссёр, оператор и артист.

Когда запал запечатлеть себя любимую у знаменитых достопримечательностей немного прошёл, она присела на лавочку в аллее у Эйфелевой башни и просто стала разглядывать людей – тоже вполне интересное занятие. Вот группа невысоких, худеньких вьетнамцев – дружных, весёлых и без умолку тараторящих о чём-то своём. Вот седые, совсем старенькие бабулька и дедушка, оба в белых шортиках и белых рубашечках. Идут, взявшись за ручки, как мальчик и девочка – плакать хочется от умиления. А разрисованные «татушками» молодые люди, в кожаных жилетках нараспашку и драных джинсах, кажутся абсолютными бездельниками, хотя... Внешняя оболочка бывает очень обманчива! Уж кто-кто, а она это хорошо знает.

И тут Дина заметила, что к ней направляется девушка с яркой копной кудрявых волос, обрамляющих симпатичное лицо, и очень дорогим фотоаппаратом в руках.

- Я присяду? – улыбаясь, спросила девушка.
- Да, конечно, – Дина немного подвинулась.
- Вы русская?
- Вы же на русском спросили, – засмеялась Дина, – а как догадались?
- Русоволосая, зеленоглазая и одна...
- Ничего себе критерий! А вы парижанка? Ваш говор с акцентом.
- Да. Я француженка. Журналистка.
- Понятно.
- Здесь отдыхаете или по работе? – продолжала с неизменной улыбкой вопрошать незнакомка.
- Приехала за свадебным платьем, – похвасталась Дина.
- О! Поздравляю!
- А хотите – покажу? Я его сфотографировала.
- Посмотрю с удовольствием!

Дина достала из сумочки телефон.

Nokia!

Нашла снимок свадебного платья.

- Очень красивое, – искренне восхитилась парижанка, – и вероятно дорогое.
- Могу себе позволить.
- Даже не сомневалась, – в голосе журналистки уже сквозил лёгкий сарказм.
- Почему же?
- А хотите я всё о вас расскажу?

– Расскажите, – теперь усмехнулась Дина.

– Только не обижайтесь!

– Не буду.

– У вас состоятельный, не первой свежести, жених, имеющий детей от прежних жён, живущих где-нибудь в Англии. Он бизнесмен, решивший продлить себе молодость, имея рядом юную красавицу. Вы никогда не работали, из провинции, приехали в большой город за богатым мужем. Он встретил вас в кафе, сразу влюбился в хорошенькую официантку. Ухаживал недолго, вы много не ломались и дали согласие на брак, боясь, что кавалер может передумать. Отвалил кучу денег, и вы поехали в Париж за нарядами. Я права?

– Нормальное клише!

– Неужели ошиблась?

– Знаете, я даже рада, что произвожу именно такое впечатление. Терпеть не могу жалость!

– Жалость? – француженка посмотрела на Дину уже более внимательно.

– Не разглядывайте! Не увидите... Я спортсменка. И параолимпийская чемпионка. Плаваю, прыгаю с парашютом и ещё много чего могу. От колена и ниже вместо правой ноги у меня протез. Деньги на платье заработала своими выступлениями. А жених у меня обычный парень, мой одноклассник, неплохой компьютерщик.

– Простите!

– Бывает.

– А кто ваши родители?

– Они погибли в автокатастрофе. Выжила только я.

– Ещё раз прошу прощения! Можно я вас сфотографирую, – француженке захотелось исправить своё неверное предположение о незнакомке.

– Можно, – Дина опять улыбалась.

Журналистка пару раз щёлкнула её своим фотоаппаратом, а затем предложила сделать несколько снимков на телефон Дины. Та согласилась и передала его француженке, которая только теперь обратила внимание, что русская девушка, несмотря на жару, была в джинсах классического кроя, а не в шортах или лёгком платье, как большинство туристов. Желая сгладить свой однозначный апломб и высокомерие по отношению к незнакомому человеку, постаралась фотографировать Дину, выбирая самый лучший ракурс, отойдя немного в сторону.

В какую-то минуту услышала из своего рюкзака звонок.

Достала телефон.

Старушкин.

Он до сих пор оставался там.

Не глядя на экран включила, сказала, что перезвонит позже. Из-за общего шума вокруг, звонки с собственного телефона, продолжающиеся идти из рюкзака, приняла за звонки с телефона, который достала.

– Ой, смотрите! Парашютисты! Как красиво! И не боятся, – воскликнула русская туристка, увидев в вышине летающих собратьев по спорту.

– Почему они должны бояться? – удивилась француженка, подходя к девушке с двумя телефонами в руках.

– А вдруг шпиль башни заденут? – Дина засмеялась.

– Вам ли волноваться!

– Обычно о других переживаешь больше, чем за себя.

– Это так. До свидания! Мне пора. Было приятно познакомиться, – журналистка вернула русской девушке один из телефонов.

Nokia.
Ту самую...
Из Жердяевки.

– Всего доброго! – тоже попрощалась Дина и, не глядя, спрятала его в сумочку.

Француженка сунула телефон девушки, будто собственный, в рюкзак, махнула рукой, улыбнулась и скрылась в толпе многочисленных туристов.

И только в аэропорту Дина обнаружила у себя чужую вещь. Звонить незнакомке, набрав свой номер, было поздно, да и батарея гаджета давно села.

МАЛЬЧИК

Мальчик работал всё лето: разносил и расклеивал рекламные объявления. Ещё в самом начале каникул он сговорился со своим четырнадцатилетним соседом заняться этим хлопотным делом. Будучи старше, тот должен был вести переговоры с взрослыми насчёт работы и денежного вознаграждения. При расчёте сосед не обманул, и все заработанные деньги они поделили строго пополам. Это было счастье! Теперь можно было пойти в магазин и купить себе хороший телефон, что мальчик тут же сделал. И нынешним вечером он хотел похвастаться перед мамой долгожданной покупкой, на честно заработанные деньги, но мама его опередила:

– Сынок, у меня для тебя подарок, – радостно сказала она, придя домой с работы.

– В кои-то веки в твоём ателье вовремя выдали зарплату? – совсем по-взрослому спросил сын.

– Нет. Зарплату пока не выдали. Но одна очень хорошая девушка отблагодарила меня за небольшую услугу, – мама достала из сумки телефон и торжественно вручила сыну. Он тут же стал его рассматривать.

Это была Nokia.
Костина!

Ничего себе! Мальчик растерялся и затаился.

– С ней произошла невероятная история, – продолжила рассказывать мама, – эта девушка недавно была в Париже, там познакомилась с одной француженкой, и они совершенно случайно обменялись телефонами.

– А что за услуга, которую ты ей оказала? – чтобы выиграть время и всё обдумать, задал вопрос мальчик.

– Ничего особенного! Ушила в талии свадебное платье.

– Почему она себе не оставила этот телефон?

– Жених подарил новый.

– Хороший жених, – улыбнулся мальчик, решив для себя что-то очень важное!

– Только в телефоне нужно сменить симку и стереть старую информацию. Думаю, ты справишься.

– Конечно, справлюсь, – уверил сын, уже наверняка зная, как поступить с подарком.

– Вот и замечательно, – обрадовалась мама, – а то я в них не разбираюсь!

УЧИТЕЛЬНИЦА

Первого сентября Дарья Владимировна перед своими, теперь уже шестиклассниками, провела урок Мира. Учительница вдохновенно говорила о планете Земля – очень хрупкой и маленькой, по сравнению с Вселенной. Убеждала в необходимости беречь её от войн и экологических катастроф. Ещё рассказала о больших достижениях человека в науке и технике, что одним из таких достижений являются наши гаджеты. После этих слов ребята дружно зааплодировали любимой учительнице и достали свои телефоны, хвастаясь ими друг перед другом.

Когда дети разошлись по домам, и она с огромным букетом цветов тоже собралась уходить, неожиданно открылась дверь, и в класс вошёл смущённый Костя Николаев.

– Костя, что-то случилось? – заволновалась Дарья Владимировна.

– Возьмите! Это ваше, – и Костя протянул учительнице телефон, который она отдала ему в конце прошлого учебного года.

– Но почему?

– Мой телефон не потерялся. Я сегодня неожиданно обнаружил его в своём рюкзаке.

– Странно! – учительница немного подумала, а потом сказала, – знаешь, Костя! Пусть загадочное происшествие с твоим телефоном останется нашей маленькой тайной. Согласен?

– Согласен, – улыбувшись, ответил один из лучших учеников Дарьи Владимировны и, легко вздохнув, вышел из класса.

19.08.2017г.

Библиотекарь

- Необыкновенно красивое здание! Сказка в готике!
- И это всего-навсего библиотека...
- Ничего себе: «всего-навсего»! Библиотека Парламента!
- В фильме о Гарри Поттере что-то похожее было, помнишь?
- Точно! Вот бы у нас библиотеки в старинных зданиях размещали...
- Размечтался... Гарри Поттер в России!
- А что? Интересная серия бы получилась.
- Угу! Как он в одной ступе с бабой Ягой над просторами Сколково летает.

На скамеечке напротив библиотеки Парламента Канады сидел приятный седой старичок и вслушивался в русскую речь своих соотечественников. Именно соотечественников! Ведь сюда в обязательном порядке привозят экскурсантов, а в последнее время нередко из России...

И не зря! Место здесь очень красивое! Не только сама библиотека, а именно место. Называется Парламентский холм. С него открывается изумительный вид на реку Оттава. И река, и город имеют одно и то же название. Как в Москве! В последнее время старик частенько вспоминал родину.

Проработав в этой библиотеке много-много лет и, выйдя на пенсию, он продолжал почти каждый день приходить сюда, благо, жил неподалёку. Иногда заходил в свой любимый читальный зал, содержащий большую коллекцию редких книг, брал в руки одну из них, с удовольствием перелистывал или погружался в чтение. А ещё любил подсматривать за парламентариями и разного рода чиновниками, знакомящимися с богатым справочным материалом.

Он вообще был очень внимательным этот старик. Особенно ко всему русскому: книгам, вещичкам, встречающимся в магазинах, а теперь и к русским людям, которые всё чаще стали попадаться на глаза.

Вот и сейчас, услышав знакомые слова в разговоре молодой пары, он исподтишка всматривался в симпатичные лица парня и девушки, боясь спугнуть их своим присутствием.

- Пойдём! Нам пора, – сказала девушка.
- Пойдём, – согласился парень.

Они поднялись со скамеечки, ещё раз оглянулись на реку, сфотографировались на фоне библиотеки и направились к выходу из архитектурного ансамбля зданий Парламента.

Старик проводил их взглядом, а после по знакомой ему тропинке спустился с холма к реке и сел на брёвнышко, выброшенное на берег. Достал из внутреннего кармана пиджака тетрадку, аккуратно её разгладил, положил на колени и стал что-то туда записывать. Иногда отвлекаясь, глядел на воду, наслаждаясь хорошей погодой и приятным пейзажем с противоположного берега.

В какой-то момент прямо перед собой увидел проходящий мимо катер! И от неожиданности вздрогнул... Нет! Не от вида катера – их тут много. Разных! Шикарных и простеньких. Вздрогнул, прочитав надпись! В столице Канады по волнам Оттавы спокойно шла «Вязьма».

Русское название полоснуло яркой картинкой из самого детства в далёком-далёком краю, о котором тут никто не догадывался, и даже не мог предположить, что этот старенький канадец, так уютно вписавшийся в здешнюю жизнь, родился и когда-то жил на Смоленщине в городке Вязьма.

Когда началась та страшная война, хотя войны страшные все без разбора, в этом старик был уверен, ему исполнилось девять лет и память сохранила все подробности того времени.

А самое главное – она сохранила его собственное имя.

Никакой он не Вильям, как зовут его здесь...

Он – Иван, Ванька, Ваня.

***

– Ваня, быстро домой, – очень тихо позвала мама, распахнув окно.

Но мальчик услышал, несмотря на то, что играл в мяч с соседскими ребятами во дворе и понял: случилось нехорошее, скорее ожидаемое. Ваньку в это ожидаемое не посвящали, но он ощущал своей детской душой нервное напряжение, царившее в семье, не понимая его истинной причины.

Осенью он собирался пойти в первый класс, и мысли о школе отвлекали от непонятных разговоров, скорее намёков насчёт «могут забрать»... Кого забрать, куда забрать и почему он не догадывался, но теперь, услышав «громкий» шёпот мамы, сразу подумал: именно сейчас у него должны что-то обязательно забрать.

Время ещё только подходило к обеду, а отец уже был дома и помогал матери, собирать в одну кучу одежду сына: пальто, курточку, ботинки.

– Убери чемодан, – говорил он, – складывай в рюкзак! Так незаметней.

Мать вытащила из-под кровати большую коробку со старыми вещами, достала оттуда рюкзак и стала набивать его Ванькиной одеждой.

– Сынок, обедай и поедем, – было заметно, что мама очень нервничает.

– Куда? – скорее по инерции спросил мальчик.

– Тсс... Потом, – опять зашептала мама.

Пока он ел, отец вынул из комода деньги, мамин паспорт и Ванькины метрики.

– Спрячь в сумку, и будьте аккуратней в дороге, – обратившись к жене, тоже очень тихо сказал отец, а затем прижал к себе сына и, неожиданно всхлипнув, прошептал ему в самое ухо, – слушайся маму и запомни! Ты едешь к тётё Наташе – маминой сестре. Я оказался плохим отцом. Я вас разлюбил. Так бывает. Запомнил?

– Запомнил. Разве ты плохой? Поедем с нами!

– Нет. Я останусь здесь. У меня служба. Я же красный командир, – затем, глянув в окно, уже решительным тоном проговорил, – давайте прощаться! Время обеда, во дворе пусто. Пойдёте без меня!

Больше своего отца Ваня никогда не видел. Позже из разговоров матери и тётки Наташи он понял: именно отца должны были «забрать». И чтобы не навлекать на свою семью зло, заранее отправил жену и сына к родственникам, выставив себя перед окружающими брошенным мужем.

Тётка Наташа жила в деревне Чертово, недалеко от Вязьмы и Ванина мама надеялась, что с отцом ничего плохого не случится, и они смогут в скором времени вернуться в город, продолжив там прежнюю жизнь. Но надеялась напрасно...

Добрых перемен ждали два года. Мать учительствовала, Ванька успешно закончил второй класс и перешёл в третий, но вместо добрых перемен началась война, и нужно было думать только о том, как выжить в то непростое страшное время.

***

Летом и в начале первой военной осени мама, тётка Наташа и даже дети постарше, рыли противотанковые рвы. Сколько земли тогда было ими перелопачено – жуткое дело! Так говорили взрослые.

А поздно вечером, поужинав, женщины падали на постели, не чувствуя собственного тела, и молчали... Но немного отлежавшись, начинали от безысходности тоскливо стенать и жалиться на судьбу.

Ваня тоже не мог заснуть, лежал, слушал и на всю жизнь запомнил один из таких вечерних разговоров. Да и как не запомнить горестные слова родственниц, от которых сжималось его детское сердечко!

- Немец-то прёт и прёт, – говорила тётка Наташа, – вот-вот в деревню нагрянет.
- А наши отходят, – вторила мама, – Может, уедем?
- Как? Поздно уже.
- Надо было сразу, как война началась...
- Люся! У меня четверо, у тебя ребёнок. Кому мы нужны со своим выводком! Здесь, какое-никакое хозяйство. Куры, козы... А там?
- Ох, Наташа! И тут ничего хорошего! Мы рвы роём, а картошка в полях осталась – не замёрзнет, так сгниёт.
- И озимые не посеяли, – не унималась тётка.
- Зимой с голоду сдохнем, – неожиданно грубо резюмировала мама.
- Сталин сказал, что враг будет разбит и победа будет за нами, – напомнил о себе Ванька
- Твой Сталин в Москве, а мы здесь огребаем, – тётка Наташа усмехнулась.
- Спи, Ваня! Не лезь в разговоры взрослых, – устало прошептала мама.
- Если немцы придут, надо в партизаны идти. Я листовку на улице подобрал, – опять подал голос Ванька.
- Посмотрим, – почти согласилась мама, – а листовку сожги!
- Как там мой-то? – тяжело вздохнула тётка Наташа, вспомнив мужа ушедшего на фронт.

Мама тоже вздохнула: вестей от папы не было.

***

В самом начале октября 1941 года в районе Вязьмы войска Красной Армии были взяты в кольцо двумя танковыми группами Вермахта и разбиты. Погибли и попали в плен сотни тысяч советских солдат.

И почти сразу в деревню Чертово вошли немцы – спокойно и без единого выстрела, как к себе домой...

Для жителей началась совсем другая жизнь с новым порядком, за которым следил назначенный немцами староста – одноногий дед Сергей, заведовавший до войны колхозной бухгалтерией и знающий наперечёт людей и всю живность в каждом дворе.

Все, с кем когда-то дед Сергей был в контрах, теперь расплачивались с ним курицей, свиньёй, а то и коровой. Ладно, если реквизицию проводил только он, было намного хуже, когда этим занимались немцы. Но несколько таких реквизиций и народ мог зароптать, ища помощи и поддержки у партизан, которые к этому времени местами сформировались в отряды. Это были красноармейцы, сумевшие выйти из «Вяземского котла» или бежавшие с немецкого плена. Немецкое руководство на местах, не желая партизанского движения, восстанавливать против себя деревенских жителей не хотело. Ведь крестьяне были нужны для работ на земле как дармовая рабочая сила.

И наступившей весной в Чертово наведался господин Рюккер – штурмбанфюрер СС, курирующий идеологическую работу среди населения Смоленщины. Сначала он заехал к старосте и потребовал список всех образованных жителей деревни, а после сразу направился к дому, где жил со своей мамой Ванька.

Увидев в окно подъехавший автомобиль и немца в офицерской форме, тётя Наташа всплеснула руками, шуганула детей на печку, наказав, чтобы сидели там тихо и даже не дышали, а сама забилась в угол кухоньки, ожидая пришествия антихриста... Ванькина мама осталась стоять посередине комнаты, решив принять на себя очередной удар судьбы.

Офицер постучался в дверь и вошёл. В доме установилась гнетущая тишина.

- Добрый день, – поздоровался он на вполне приличном русском.
- Guten Tag, – ответила Ванина мама. Она знала немецкий, потому как окончила факультет иностранных языков и имела диплом преподавателя немецкого и французского языков.
- Госпожа Лунина, у меня к вам предложение.
- Да, господин, – мама запнулась, не зная как обратиться к офицеру.
- Зовите меня господин Рюккер. Так вот, госпожа Лунина, – повторил он, – я предлагаю вам работу.
- Спасибо.
- Будете, как при Советах работать учителем немецкого, заодно проводить просветительскую работу среди населения деревни, пропагандируя немецкий образ жизни и немецкий порядок.
- Как? – женщина заволновалась.
- Получите на этот счёт методическую литературу и брошюры. Вы же образованная женщина! Разберётесь, – офицер смотрел на свою собеседницу с лёгкой усмешкой.
- Не знаю, справлюсь ли, – попыталась та отказаться.

– Справитесь. Мы всё о вас знаем. Вы пострадали от советской власти, потому вам оказана честь – работать на Германию, – немец сделал небольшую паузу. – Родители, которые не захотят отпускать детей в школу, подвергнутся штрафу и наказанию. Кстати, учителям правительство платит хорошие деньги. Вот анкета, – он положил на стол лист бумаги. – Вам нужно аккуратно её заполнить. Вопросы несложные: вероисповедание, национальность, профессия, не было ли евреев до деда включительно, служили ли в армии, были ли членом ВКП (б) и остальное, – офицер, ожидая ответа, замолчал.

– Я согласна, – совсем тихо проговорила Ванина мама.

– Передадите анкету старосте. Он сам привезёт её в комендатуру. И не пугайтесь так, – как-то вдруг по-человечески сказал он. – Auf Wiedersehen!

Немец вышел. В доме молчали... Дети на печке по-прежнему боялись пошевелиться. Придя в себя, тётя Наташа подошла к сестре, обняла её за плечи и сказала:

– Люсь! Не переживай! Правильно, что согласилась. Надо ведь как-то жить. Деньги нужны, сама понимаешь... Там видно будет! А работу среди населения можно проводить по-всякому.

– По-всякому не получится. Слышала, в Ельнинском районе деревню Перятино сожгли вместе с жителями.

– За что?

– Говорят, послушались. Или за связь с партизанами.

– Свят, свят, свят, – закрестилась тётя Наташа.

– Так-то...

– Знаешь, Люся, а немчик-то с улыбкой от нас ушёл. Я заметила.

– Я тоже. И глаза у него вполне человеческие, – Ванина мама задумалась.

– У фашиста человеческие глаза? Смешно. Хотя... Тоже ведь люди, – тётя Наташа наконец-то спокойно вздохнула.

Ванька, сидя на печи, слышал разговор обеих женщин и не понимал: причём тут глаза и улыбка, когда матери явно грозит опасность. Как немцы узнали о её муже – красном командире? Для них ведь неважно: живой тот или нет...

После посещения деревни господином Рюккером полы и парты в школе отмыли от грязи и крови. Одно время она была красноармейским штабом, затем в ней размещался госпиталь, после общежитие для немецких солдат и вот теперь её опять отдали детям.

А Ванька потихоньку перетащил книги, оставшиеся в школьной библиотеке, к себе домой. Всё равно немцы уничтожат, а так хоть он в досталь начитается. Потрёпанные подклеил, запачканные почистил. Была у него до войны мечта, говорят – девчоночья – стать библиотекарем. Почему это не мужская профессия, он не понимал.

Мать опять учительствовала, деревенский люд посадил картошку и посеял хлеб. С приходом немцев некоторые жители сначала обрадовались развалу колхозов, решив, что немцы позволят им хозяйничать на земле по собственному усмотрению. Но этого не случилось. Колхозы просто переименовали в общинные хозяйства, и всё, выращенное руками крестьян, почти полностью отбиралось в пользу новой власти. Люди оставались рабами и в основном кормились со своих огородов или распродавали последнее.

Через месяц господин Рюккер опять заявился в Чертово. Это было как раз во время школьных уроков. Он без стука вошёл в класс, присел за последнюю парту и уставился на учительницу, которая подробно рассказывала детям об участии Германии в Первой мировой войне. Ваня догадался, что немец пришёл с проверкой и решил поддержать маму.

- Людмила Николаевна, – он стал тянуть руку вверх, привлекая к себе внимание.
- Да, Ваня. Что ты хотел? – испуганно спросила мама.
- Я хотел перечислить все победы великой Германии.
- Хорошо. Но, давай, ты это сделаешь на следующем уроке. А теперь, дети, можете немного погулять во дворе.

Мальчик сделал вид, будто уронил карандаш, и пока ребята выходили из класса, спрятавшись под парту и притих.

Офицер подошёл к маме.

– Людмила, мне нравится, как вы преподаёте историю. Только нам нужно, чтобы детям внушалась мысль о превосходстве арийцев. Потому поменьше сказок и поближе к обычной жизни. Работа, работа и работа! Это для них главное. Учите беспрекословному подчинению и прилежанию. Вы меня поняли?

- Конечно, господин Рюккер.
- Вот и хорошо! И ещё, – немец помолчал, а затем тихонько добавил, – передайте сестре и остальным женщинам, что нам известно, для кого вы печёте хлеб ночами. У вас много муки?
- Нет. Не много. Да и та не мука, а так... Ячмень со жмыхом да лебедой, – Ванина мама замерла.
- Думайте о себе и о своём сыне.
- Почему вы мне это говорите?

Ваня заметил, что мама очень испугалась.

- Меня тошнит от запаха горелого человеческого мяса. Понятно?
- Да, – еле выговорила мама.
- Эй, партизан! Вылезай из-под стола. Я тебя вижу, – неожиданно сменил тон господин Рюккер и засмеялся.

Ванька выбрался из-под парты, хотел выйти из класса, но немец его остановил:

- Иди сюда, – позвал он, – это тебе. – Офицер вынул из кармана большую плитку шоколада и подал её мальчику.
- Danke. – Ванька обомлел.
- Спрячь! Есть будешь дома, – сказал офицер, положил свою руку на его голову и потрепал за вихры, приговаривая, – blond, blond!
- Спасибо, господин Рюккер. Вы очень добры, – Людмила Николаевна от наплыва разных чувств растерялась.
- Я нормальный. До свидания! – попрощался немец, развернулся и ушёл.

Больше его в деревне не видели.

Осенью люди убрали урожай, большую часть которого забрали немцы, детей младшего школьного возраста опять отправили в школу изучать немецкий порядок, а те, кому уже исполнилось четырнадцать, были угнаны на работу в Германию.

Деревня притихла окончательно. Женщины по-прежнему в пояс кланялись деду Сергею – только бы он не обирал подчистую, обходили стороной полицаев и по очереди, таясь, продолжали печь хлеб для партизан.

А под самый Новый год Ванина мама пропала. Тётя Наташа сбилась с ног, обошла всех её учеников, потом подруг, но сестры нигде не было.

И только к обеду следующего дня, Люся явилась домой целая, невредимая, с модной причёской и даже в новой шубке, сняв которую предстала перед своими родственниками в бархатном платье цвета морской волны. Домашние замерли, а потом посыпались вопросы: откуда, каким образом?

– Отмечала Новый год в Смоленске, – устало проговорила Люся.

– С ним? – спросила Тётя Наташа.

– Да

– А чего не предупредила? Я обыскалась.

– Шла из школы домой, он подъехал и увёз. Втихую...

– Ох, не нравится мне это.

– Наташа, поговори с женщинами, чтобы были осторожней. Пусть не высовываются. Немцы в последнее время очень злые. За любую провинность расстреливают без предупреждения. В Смоленске постоянно казни при людях устраиваются, – неожиданно мама предложила, – может, ты с детьми в лес уйдёшь?

– А если поймут? У нас тоже за нарушение режима и комендантского часа расстрел. – Тётя Наташа замахала руками, – зима, мороз! Чем я детей в лесу кормить буду? Здесь своих дождёмся. Бог не выдаст, свинья не съест.

– Ну, смотри...

– А сама-то чего в лес не хочешь?

– Мне теперь, что там, что здесь... Жизни не будет! Свои за фашиста не простят, а немцы, если про хлеб узнают, тоже не пожалеют. И офицер не поможет.

– Ладно, хватит страху нагонять! Расскажи лучше как праздновала?

– Перепились все! Потом по бутылкам стреляли.

– А твой?

– Мой вообще не пьёт. Всё о чём-то думает, почти не разговаривает.

– Станный он у тебя, – тётя Наташа пожала плечами.

– Знаешь, по-моему, он очень одинок. Всё меня за руку держал. Ой, забыла, – мама неожиданно всплеснула руками, – у меня же конфеты есть, – и она выгребла из кармана шубы целую жменю шоколадных конфет. – Это вам от зайчика.

– Знаем мы этого зайчика! Волком бы не обернулся, – усмехнулась мамина сестра.

– Не обернётся, – констатировала Ванина мама.

***

Узнав от учительницы о происходящем в Смоленске, люди тряслись от каждого выстрела, боясь, лишний раз показаться на улице, и с нетерпением ожидали Красную Армию.

А совсем рядом начинали гореть деревни...

Прошёл слух, что сразу после Нового года, отступая, немцы сожгли в соседних районах несколько деревень вместе с жителями. От таких новостей народу делалось страшно, особенно за детей.

Что делать? Куда бежать? Полицаи рыскали по окрестностям, выискивая партизан, хватали всех подряд – стариков и молоденьких девчонок. Тащили «добычу» в комендатуру, стараясь угодить начальству, в надежде, что те их усердия не забудут и заберут при отступлении с собой.

В самом начале наступившей весны 1943 года у дома тёти Наташи остановился знакомый автомобиль.

– Иван! – приоткрыв дверцу машины, позвал мальчика господин Рюккер.

Ванька в одной рубашке выскочил на крыльцо.

– Я здесь, господин Рюккер.

– Одевайся! Скажи маме, что мы едем за велосипедом.

– За велосипедом? Для меня?

– Конечно, для тебя.

Мальчик вбежал в дом.

– Мама, мама! Мы с господином Рюккером едем покупать велосипед!

Мама побледнела.

– Езжай, сынок! Только оденься теплее. Дорога неблизкая...

Ваня быстро оделся, всё как велела мама, боясь, что она в последний момент передумает.

– Сынок, – мама присела на табуретку, стоящую у самой двери, – до свидания, сынок. Слушайся дядю Ганса. Он неплохой человек, – она обняла и поцеловала сына.

– Какого дядю Ганса? – ошалело спросил Ванька

– Господина Рюккера зовут Гансом.

– Аааа... Я и не знал.

– Всё. Иди, – и она легонько оттолкнула сына.

– Ты куда ребёнка отправляешь? Совсем с ума сошла! Твой Ганс фашист, хоть и с печальными глазами, – заругалась тётя Наташа.

Мама схватила её в охапку и что-то зашептала на ухо. Ванька расслышал слова: «велосипед» и «условный сигнал», но ему это было уже неинтересно.

Выбежав из дома, он уселся на заднее сиденье автомобиля, как велел дядя Ганс, помахал из окна рукой и они поехали. А через пару минут не выдержал, оглянулся и посмотрел в заднее окошко автомобиля... Тётя Наташа с ребяташками со всех ног неслась в сторону леса. У мальчика ёкнуло сердце, но он вспомнил слова мамы и затаился...

Они буквально пролетели деревню, въехали на грунтовую дорогу и увидели, что навстречу движется легковушка и два огромных крытых брезентом грузовика.

– На пол, – скомандовал дядя Ганс и Ванька в момент оказался между сиденьями автомобиля. Он слышал стук своего сердца и боялся, как бы его не услышали немцы из тех машин.

Пропуская легковушку и грузовики с солдатами, они прижались к обочине.

– Finita la Comedy, – услышал мальчик возглас со стороны.

Это офицер, командующий карательным отрядом, с улыбкой и по-французски из окна своей легковушки салютовал господину Рюккеру.

– Neil, – ответил тот и продолжил путь.

Через несколько минут дядя Ганс остановил машину, затем вынул из вещмешка новые брючки, пиджачок, рубашку и велел Ивану переодеться.

– Теперь причешись, – сказал немец, подал расчёску, и мальчик, молча, выполнил очередной приказ немца.

А после было самое страшное...

Они увидели, как над деревней взвился дымок, затем второй, третий, четвёртый, вразнобой зазвучали отдельные выстрелы и хором автоматные очереди, послышались отдалённые крики людей.

– Там мама, – Ваня заплакал. Почему мы её не взяли?

– Она так решила. Всем помочь не могу. Я не Бог.

– Никуда не поеду, – в голос ревел Ванька.

– Поедешь! Она просила меня за своего сына. Я любил её. И спасу тебя.

– Как? Всё равно поймают, – мальчик перестал рыдать и ощутил душевную пустоту.

– Запомни! Ты мой племянник. Ты русский, но немецкого происхождения. И я нашёл тебя здесь. Понял?

– Понял.

– Тебя зовут Вильям. Я сделал новые документы. Нам обоим. Мы едем на запад, – говорил, чеканя каждое слово, дядя Ганс, – и ещё! Старайся говорить на немецком, особенно при посторонних. Мама же тебя учила...

– Gut, – ответил Иван-Вильям.

Дядя Ганс удовлетворённо хмыкнул.

***

Они мчались в сторону запада. Проехали захваченные немцами советские земли, въехали в страны Европы и направились на юг Франции. Иногда останавливались, заправляли машину, что-то в ней чинили, обедали в придорожных забегаловках, ночевали в недорогих гостиницах.

Ваня тяжело переживал явную гибель матери, его душа свернулась в комок и не отвечала добрым расположением на все попытки дяди Ганса установить с ним контакт. А потому мальчик и мужчина, на данный момент – чужие между собой, не разговаривали. Ваня просто подчинился почти незнакомому человеку, понимая того с полуслова.

Уже во Франции он неожиданно спросил:

- А вас не будут искать?
- Пока не будут. Я же в отпуске. Отметку в документах сделал. Здесь много отдыхающих офицеров.
- Так мы сбежали? Совсем?
- Наконец-то ты понял, – улыбнулся дядя Ганс.
- А дальше куда?
- В Тунис. Там у меня есть хороший знакомый, поможет. А после, как получится. Может быть, в Америку или в Канаду, или в Бразилию. Да хоть к чёрту на рога! Только подальше от этого ужаса...
- Мы успеем?
- Надеюсь, что успеем! Должны успеть – форму-то я выбросил, – немец усмехнулся.
- Жаль, что мама не с нами.
- Мне тоже... Очень жаль. Прости!

Во Франции пробыли недолго. Дядя Ганс договорился с капитаном рыбацкой шхуны и тот взял их с собой до Туниса. Это стоило приличных денег, но штурмбанфюрер СС Рюккер никогда не был транжирой, и нужная сумма на чёрный день у него имелась.

Будучи в море Ваня поинтересовался:

- Значит, вы больше не фашист?
- Я им никогда не был. Только форму носил.
- Зачем?
- Так получилось. Тебе уже одиннадцать?
- Через месяц двенадцать исполнится.
- С тобой можно говорить как с взрослым?
- Можно.
- Тогда попытайся понять, или хотя бы вникнуть.
- Я попытаюсь.
- Мои родители были обычными бюргерами, держали небольшую ювелирную лавку. Благодаря им я выучился и стал офицером. Но они умерли. Потом я женился. Очень скоро жена, предварительно обобрав меня до нитки, сбежала к моему лучшему другу, с которым мы вместе служили. И я решил им отомстить. Окончил в Мюнхене высшую школу партии, стал эсэсовцем. Я же чистокровный ариец! Только, оказавшись у вас и увидев, что творят мои соотечественники, мстить расхотел. Личные неурядицы показались мелкими и глупыми...
- Я больше никогда не буду играть в войну, – перебил рассказчика Ваня.
- Война не при чём. Земли всегда завоёвывались. Одни чужое берут, другие своё защищают. Но то, что творит с обычным населением Германия, это дикость! Душа и интеллект Гитлера задержались в развитии и существует в самом начале нынешнего летосчисления.

После этого разговора сердечко ребёнка отпустило, и он стал нормально общаться со своим спасителем. Именно спасителем! Ваня понял и оценил дядю или друга... Этого пока для себя не решил!

Капитан шхуны их не обманул и не выдал, они спокойно дошли до Туниса. Какое-то время жили у хорошего знакомого дяди – торговца ювелирными изделиями. Этот человек знал Ганса ещё ребёнком, много лет сотрудничая с его отцом.

Но здесь тоже была война, правда, она приближалась к завершению, и уже к середине мая север Африки был освобождён от нацистов англо-американскими войсками.

Торговец помог им сесть на корабль до Америки. Потом они перебрались в Канаду и началась для них жизнь в неизвестной стране, но по человеческим законам – без ежеминутного страха смерти. Это было главным!

Господин Рюккер сменил имя и фамилию и теперь звался Арно Базен. Эту же фамилию носил Вильям. Получалось, что они родственники. Придумали для себя легенду похожую на правду, якобы бежали от фашизма из Франции.

Наконец-то наступило спокойное время учёбы и работы. Оба только этого и желали. Окончив школу, Вильям устроился на лесопильный завод к Арно, где тот занимал должность мастера. Но жить рядом с человеком, который вытащил его из ада, долго не получилось. Арно умер во сне, до того ни разу не пожаловавшись на своё здоровье.

Вильям остался один. Он по-прежнему любил книги, много читал и всё время что-то записывал. Сначала просто в тетрадочку, а после стал отсылать свои заметки в газеты.

В колледж Алгонквин на писательский факультет поступил уже вполне взрослым мужчиной, а отучившись, устроился в библиотеку Парламента Канады, где проработал до самой пенсии.

Был женат, у него родилась дочь. Она выросла, вышла замуж и подарила Вильяму замечательного внука, которого назвали Иваном.

Дочь с семьёй живёт в Монреале, и внук иногда приезжает к деду, который при каждой встрече дарит ему новую книгу сказок собственного сочинения. В сказках обязательно присутствует добрый волшебник, возникающий рядом с главным героем совершенно неожиданно в самый трудный момент его жизни.

Жена уже несколько лет лежит рядом с Арно, и Вильям их частенько навещает...

P.S. Ранним утром у реки Оттава, где возвышается Парламентский холм, рыбак, давно облюбовавший это местечко, заметил старика, сидящего в застывшей позе на брёвнышке, выброшенном на берег. Глаза старика были широко открыты и устремлены на водную гладь. У ног лежала исписанная школьная тетрадка. Речной ветерок неторопливо шевелил её листы и тихонечко шуршал страничками, видимо читая...

19.05.2016г.

Писательница

Старуха горько плакала. А плакала она не часто. К бедности привыкла, к одиночеству тоже, к обидам от людей – давно. Но тут... Единственное существо, жившее рядом, испустило дух. От чего? Непонятно. Ведь совсем молодой котярка был! Ласковый, пушистый. Никому ничего дурного не делал, даже наоборот – иногда мышку приносил и клал её в кухне на всеобщее обозрение.

Хотя... Соседушка по коммуналке видимо и постаралась. Всё заплывшими глазками косила – уж шибко он на нервы действовал, мяска выпрашивая. За что не раз шугала его ногой под дых, и летел котярка ласточкой от кухни до старухиной комнаты. Вот и долетался!

В последний свой день затих, лёжа на коврике у ветхого, как и сама старушка, дивана, уже никому не докучая.

А Зинка – та самая квартирная соседка – Мегера толстозадая, не на шутку расхозяйничалась. Совсем совесть потеряла! С котом разобралась, за бабку принялась, предложив ей домик в деревне, да денжат на карманные расходы. Небедная соседушка была – мясной магазинчик держала, умела правильно жить и с нужными людьми правильно общаться.

Коммуналка-то их просторная, с высокими потолками, большими окнами и большой кухней – «сталинка», бабка в которой явно лишняя! Торговка уже и с риелтором обо всём договорилась и в нужных организациях кого надо умаслила, осталось старуху уговорить, договор подписать и можно ремонт закатывать, для которого всё давно прикуплено, а после... Борюсюлысого на себе женить. Хватит в девках маяться! На пенсию скоро, а она всё в одиночестве кукует!

Но бабка на уговоры не шла, а сидела тихонько в своей комнатке и шуршала бумажками, чего-то там пописывая. Говорили, будто романы сочиняет под каким-то крутым псевдонимом. Никто те романы не читал, но в округе относились к ней с почтением, как-никак писательница!

Старуха обожала вечернюю пору, когда жизнь затихала, и уже не хотелось ни есть, ни пить, а хотелось только сочинять о том, чего не было и, наверное, не будет, или было, только где-то далеко-далеко, в другом мире и в другой жизни. Тогда она садилась ближе к столу, раскрывала толстую тетрадку и начинала быстро-быстро писать, боясь, что пришедшая в голову мысль ускользнёт, а новая может и не явиться – возраст не тот...

Вот и в этот раз, похоронив в уголке двора своего любимого котярку и вволю наплакавшись, взяла чистую тетрадь, ручку и на минутку задумалась...

Вдруг в открытую форточку услышала, как кто-то позвал: «Катенька!» Старушка улыбнулась озарению и тут же придумала первую фразу нового романа: «Катенька, всё равно найду!»

***

– Катенька! Всё равно найду, – кричал симпатичный молодой человек, заглядывая под каждый куст и за каждое дерево в красивом большом саду своих дальних соседей.

В это лето, будучи на каникулах, он посещал усадьбу друга почти ежедневно. Правда, тот в данный момент отсутствовал, прожигая родительское состояние в столице. И пускай, дело хозяйское! По нему молодой человек соскучиться не успел, всего-то пару недель назад вместе в университете за третий курс экзамены сдавали. А приходил он сюда к Катеньке – его сестрице, очень милой семнадцатилетней барышне, только что закончившей домашнее образование и уволившей за ненадобностью всех своих гувернёров и учителей.

Теперь Катенька с удовольствием наслаждалась светской жизнью – это и балы, и театры, и вечера. Почему бы нет! Она богата, красива и всё у неё впереди: любовь, счастье, семейные радости, и весь мир будет принадлежать ей! В этом она уверена.

А Сержик – так... С ним можно весело бегать в их саду, мило кокетничать и флиртовать, ощущая силу женских чар. И только! Ведь он беден и ничего в жизни не добьётся. Да и маменька серьёзных отношений с таким не допустит... Это с виду дочь вольна делать, что ей заблагорассудится, а на деле соглядатаев предостаточно даже здесь – среди деревьев! То и дело за кустами мелькнёт знакомая косынка или фартук...

– Катерина Павловна, идите в дом! К нам гости пожаловали!

– Иду! – Катенька удивилась маменькиному зову: чего самой-то кричать, слуг в доме предостаточно. Но тут же догадалась! Значит, гости неожиданные и очень важные. А раз так – надо идти. Но обязательно предупредить Сержа, чтобы завтра явился! Она продолжит с ним приятные заигрывания и проверит своё девичье влияние на будущего инженера. Только теперь гости не должны увидеть её с обычным, скромно одетым юношей, и она попросила его выйти из сада чуточку позже.

Девушка прикрыла за собой калитку и прямо у крыльца особняка увидела богатую коляску. А рядом... своего любимого котика. Катенька обомлела! Как же гости ничего не заметили? Они чуть не убили его! Она заплакала и стала звать людей на помощь. Прибежали слуги. Окровавленного котика подняли, завернули в тряпицу, пообещав молодой хозяйке вЫходить во что бы то ни стало! И зарёванная графинюшка, подавив тошноту, отправилась к гостям.

– Катерина Павловна, где же вы ходите? – упрекнула маменька и сама прикрыла дверь гостиной за дочерью.

– Там... там... мой котик, – Катенька еле сдерживала слёзы.

– Какой котик? Успокойся, пожалуйста! У нас к тебе серьёзный разговор, – маменька заметно волновалась, – познакомься! Это князь Иван Андреевич Толстиков с сыном.

– Очень приятно, – поклонившись, скромно ответила девушка.

– Иван Андреевич хочет поговорить с тобой, – маменька сделала акцент на имени старшего князя, в то время как младший, вольготно расположившись на крохотной софе, уставился в картину напротив и совершенно не интересовался девицей.

– Я к вашим услугам, – опять тихо молвила графская дочь.

Подали чай с пирожными и Катенька, мило беседуя, вполне расположила к себе Ивана Андреевича.

Вскоре гости попрощались и уехали.

– Ах, маменька, объясните мне, зачем здесь эти князья и, что им нужно? – сразу после их ухода спросила она.

– Всё плохо, Катюша! Всё очень плохо. После смерти твоего папеньки наши дела скатились под гору. Доходы уменьшились. Но всё бы было поправимо, если бы не твой братец...

– А что с ним? Он здоров?

– Здоров, слава богу! Дело в другом...

– Ну, говорите же, маменька! Что с Лёвушкой?

– Лев проиграл в карты наше состояние.

– Как проиграл? Всё?

– Почти всё. Осталось только завещанное тебе. А мне впору идти на паперть, – графиня горько заплакала.

– Ох, маменька! А кому проиграл-то?

– Вот князьям и проиграл!

– Аааа... И что же нам делать?

– Катенька! Послушай! Ты очень понравилась Ивану Андреевичу. Он вдовец и согласен наполовину простить нам долг, если ты согласишься стать его женой.

– Но он же старый, маменька!

– Зато богатый! Ты подумай. И не только о себе. Подумай о брате и о своей бедной матери.

– Хорошо. Я подумаю. Но...

– Вот и ладно. А пока иди к себе. Я очень устала! Кстати, что там с котиком?

– Князья чуть не задавили...

– Как?

– Под экипаж попал

– Плохой знак! А люди куда смотрели? Как батюшки не стало, вовсе распустились. Давно непоротые ходят!

– Пороть нельзя. Они теперь свободные.

– Вот-вот! Пороть нельзя, и не пороть нельзя. И что с ними дармоедами делать?

– Так гоните! Пусть идут в город на фабрику.

– Не хотят! Там же работать надо...

***

После регулярных визитов соседки старуха вовсе загрустила, догадавшись, что ждёт её участь котярки! И будет она лететь с той же скоростью на какую-нибудь огромную свалку в чёрном полиэтиленовом пакете, а в лучшем случае сидеть в психушке – оговоренная по-чёрному, а потому, пожалуй, есть смысл согласиться на предложенный домик, где можно будет спокойно писать дорогой её сердцу роман.

– Бабушка, может быть, договоримся? – дружелюбно и, явно заискивая, в очередной раз открыла дверь старухиной комнаты неугомонная соседка.

– О чём, Зинушка? – старушка сделала вид, будто прежние разговоры о продаже её жилплощади забыты.

– Как о чём? О вашей комнате. Поверьте, я вас не оставлю, буду еженедельно навещать в деревне, привозить продукты, помогу построить баньку. Вам понравится, обещаю!

– А как же мой роман? Это дело всей моей жизни.

– Ах, это! «Совсем бабка очумела», – пронеслось в голове у Зинки, но сообразив, что и здесь можно извлечь определённую выгоду она продолжила уговоры, – не переживайте! Как только роман напишете, я помогу с его изданием. Как вам такое предложение?

– Неужели это возможно?

– Конечно! Я прослаблю вас на весь мир!

– Ну, уж... И на весь.

- Моё слово – закон!
- Тогда сделаем так! Как только я закончу роман, тут же съеду.
- Но это долго.
- Вовсе нет! Я пишу даже ночами и управлюсь быстро.
- Ладно, пишите, – соседка скучилась и, пожав плечами, вышла.

***

Князя в доме Катеньки больше не появлялись и она, успокоившись, по-прежнему гуляла в саду с Сержем, и даже стала к нему привыкать. А юноша влюблялся в сестру друга всё сильнее, мечтая о более серьезных отношениях...

«Подумаешь бедность, главное чувства и тогда любые невзгоды нипочём!» – такие высокопарные мысли обуревали его порой, а в другой раз приходили на ум и более крамольные, но зато очень практичные. «Эх, мне бы их деньги! Я бы это имение в такой порядок привёл – все бы ахнули! После смерти графа вокруг сплошное запустение! Усадьба требует ремонта, на полях люди работать не хотят, управляющий – вор: дом себе отгрохал больше барской усадьбы. Лёвушка приданное сестрички того и гляди промотает и мою Катеньку по миру пустит. А интересно, ежели такое случится, нужна ли она мне будет?» – Серж серьёзно задумался, но сердце подсказало – нужна! Только с приданным всё-таки веселее.

В один из следующих дней молодой человек заметил неподдельную грусть в глазах любимой.

- Катенька! Вы сегодня очень грустны. Что случилось? – спросил он.
- Завтра приезжает Лев, – задумчиво ответила девушка.
- Так это хорошо! Будем гулять вместе.
- Гулять? Нет. С ним я гулять не буду. И вообще... Серж! Сегодня наша прогулка – последняя.
- Почему? В чём я провинился?
- Вы? Ни чём. В конце недели к нам с визитом придут князя Толстиковы.
- И что?
- А то... Неужели не ясно?
- Кажется, я начинаю понимать, Младший Толстиков будет просить Вашей руки.
- Будет! Только не младший.
- Не младший?
- Ах, Серж! Я больше ничего не скажу. Скоро всё сами узнаете.

Они попрощались, и влюблённый студент отправился восвояси, оставив мечты о Катеньке и перестроенной им графской усадьбе.

***

Роман писался, но не так быстро, как хотелось Зинке. А потому было решено оформлять сделку поэтапно. После каждой написанной главы она брала писательницу под руку и вела её то в ЖЭК, то к электрикам, то в водоканал, и так – по всем необходимым инстанциям, получая справки и заставляя подписывать необходимые бумаги.

В одной из контор одна молоденькая чиновница неожиданно прониклась к старушке участием – она напомнила девушке её учительницу младших классов и, отозвав бабульку в сторонку, тихонько спросила:

- А вы были в той деревне? Предлагаемый домик видели?
- Нет, не была и домик не видела.
- Так съездите и посмотрите! А после продавайте свою комнату.
- Спасибо тебе, милая девушка! Как же я сама-то не догадалась...

Успокоившись после нужного и правильного наставления порядочной девушки, писательница заявила Зинке, что обязательно хочет посмотреть своё будущее жильё. Соседушка потемнела в лице, затем собрала волю в кулак и пообещала, что в ближайшее время они обязательно это сделают вместе.

***

Было воскресенье, был праздник, по всей округе раздавался звон колоколов и именно в этот день графиня с дочерью ожидали гостей.

Лёвушка, приехавший пару дней назад, заперся в кабинете отца, наказав, чтобы его не тревожили, поскольку с князьями Толстиковыми он видеться не желает.

Графиня очень расстроилась, но решила серьёзно поговорить с провинившимся сыном, сообщить, что ситуация вполне разрешима, а потому не следует дуться как маленькому мальчику, лучше объясниться и попросила открыть дверь кабинета.

- Лёвушка, я бы желала, чтобы ты сегодня вышел к гостям, – спокойно и твёрдо сказала она.
- Нет, маменька! Никогда! – категорично ответил сын.
- Но это неприлично. В обществе не поймут!
- Простите, маменька! Но в обществе не поймут, если мы примем князей Толстиковых в своём доме.
- Почему? – удивилась графиня.
- Потому что они карточные шулеры.
- Как шулеры? Зачем же ты с ними играл?
- Меня не успели предупредить! Они приглашают в свой дом под благовидным предлогом человека с состоянием, затем во время игры его опаивают, а после выставляют счёт. Я даже ничего не помню...
- Как же так? А свидетели?
- Таких нет.
- Но это же грабёж! – ужаснулась графиня.
- Именно так, маменька.
- Лёвушка! Что же нам делать? Я пообещала благословить Катеньку.
- Катеньку? В жёны? Кому?
- Иван Андреевичу.
- Господи, маменька! Вы с ума сошли!
- Конечно, сошла. А чем ты с князьями расплачиваться будешь?
- А ничем. Пусть докажут! Ничего не было, никто ничего не видел.
- Но это позор!

- Позор – отдавать родную дочь на потребу старому больному козлу.
- Как ты груб, Лёвушка. Вот оно столичное воспитание!
- Простите, маменька!
- Так что же делать? Князь с сыном будут у нас с минуты на минуту.
- Откажите им от дома и баста! Заприте все двери и окна.
- И они уйдут?
- Пусть попробуют не уйти. Я соберу всех, кого Толстиковы умудрились обмануть, и мы заявим, куда следует.
- Верно! Пойду-ка я распоряжусь насчёт дверей и окон.
- Идёмте, маменька! Я с вами!

***

В ближайший выходной «благотельница» нашей старушки посадила её в машину, и они отправились смотреть обещанный домик с красивым цветником и маленьким садиком, в котором можно расположиться за столиком под развесистой яблоней и писать романы сколько душевке угодно. Соседка прямо-таки исходила на красочные эпитеты, чем немало удивила и даже расположила к себе старушку. Всю дорогу она трещала о чистом воздухе, вкуснейшей воде из деревенского колодца и добрых-добрых соседях!

Они выехали из города и через полчаса остановились у симпатичного домика, больше похожего на сторожку, в небольшом, но очень уютном посёлке. Навстречу им вышел плотный лысый мужчина, будто сошедший с телеэкрана одного из многочисленных сериалов о ментах и бандитах. Он услужливо протянул старушке руку, та очень удивилась, приняв данное действие за добрый знак, в ответ улыбнулась, и вот так за ручку они вошли в домик-сторожку.

- Ах, как здесь хорошо! – восхитилась доверчивая писательница, – я и предположить не могла, что такое возможно!
- Я же говорила, что вам понравится, – продолжала лебезить соседка.
- Да. Мне всё очень и очень нравится!
- Вам ещё больше понравится, когда будете здесь жить.
- Скорее бы! А что это за большущий особняк рядом с моим домиком.
- Эээ... Это ваш сосед Он очень богат.
- Странно!
- Что именно?
- Почему дом богатого человека не отгорожен забором от моего? Впечатление, что они оба на одном участке.
- Да огордим мы ваш домик! Маленьким беленьким заборчиком... Не переживайте!
- Беленьким? Беленьким это красиво!
- Тогда подпишем бумаги? Прямо здесь, – закинула удочку соседка.
- А нотариус?
- Борис Петрович – наш нотариус, он перед вами, – и Зинка указала на лысого.
- Будьте любезны! Покажите вашу визитку? – неожиданно попросила продавец недвижимости, никак не ожидавшая увидеть в роли юриста человека похожего на рэкетира.
- Все визитки в городе, – буркнул лысый.
- Извините! Тогда и подпись в городе, – решительно заявила вредная старуха и буквально вылетела из домика без беленького заборчика.

***

Катенька очень обрадовалась, узнав об отмене предполагаемого обручения со старым князем Толстиковым. А ещё обрадовалась, что в доме опять мир и все друг друга любят – прямо как при папеньке.

Гуляя с братом в саду, она рассказала ему о Серже, о его любви и пожаловалась на его отсутствие.

- Так давай его позовём, а ещё лучше к нему съездим, – предложил Лёвушка.
- Неловко...
- Почему?
- Я тогда некрасиво поступила. Сама прекратила дружбу с хорошим человеком, предпочтя афериста.
- Ты не при чём! Ты ничего не знала.
- Ну да! Не знала.
- Я виновен, мне вас и мирить.
- Братец? Ты этого действительно хочешь?
- Хочу.
- Почему?
- Потому что Сергей неплохой человек и любит тебя.
- Я почувствовала.
- Знаешь, твоё замужество с князем, я бы себе не простил. Даже представить не могу, как он тебя лобызает... Брррр!
- Вот как? Я так понимаю: ты готов отдать меня за Сержа?
- Почему бы нет!
- Но он беден.
- Зато ты, Катенька, богата. А Сергей не глуп, аккуратен и человек хозяйственный.
- Как-то не думала об этом.
- А ты подумай, подумай! Мир, сестричка, бурлит и меняется. Царя народовольцы убили, капитализм на всех парах несётся в нашу жизнь! Скоро титулы ничего не будут значить.
- А что будет значить?
- Только дело и деньги.
- Страшную картинку нарисовал.
- Почему? Умный и предприимчивый будет наверху. Кстати, твой Серж именно такой. Ты бы видела его дом – игрушка! А оранжерея! В ней столько диковинных растений!
- Любопытно...
- Да ему только на одну ступеньку взобраться, а там... Не дотянешься!
- Братец, а может и тебе заняться хозяйством? Маменька жаловалась, что люди вовсе от рук отбились.
- Обязательно займусь! Только тебя замуж выдам.
- Лёвушка! Нехорошо смеяться над сестрицей!
- Я не смеюсь. Хватит дома сидеть! Поехали к Сержу!
- Можно и поехать! с удовольствием бы глянула на его оранжерею. Нужно только маменьку предупредить.
- Вот и отлично! А маменьку предупредим.

***

Добравшись домой не без помощи добрых людей, старушка засела за роман, закупив молочка и хлебушка впрок. Она торопилась! Чувствовала, что жить осталось недолго, и помочь некому...

Иногда ей вспоминались лермонтовские строки: «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...», тогда она грустно усмехалась и думала, что они написаны именно о ней – вечной мечтательнице, так и не научившейся правильно жить.

Как-то её посетила мысль: не продать ли комнату постороннему человеку! Но в юридической конторе объяснили, что первым правообладателем её комнаты является соседка по коммуналке. И получается, что от Зинки ей никуда ни спрятаться, ни скрыться – как в песне. А ждать, пока старуха помрёт, та точно не будет. Потому надо быстрее дописывать те несколько глав, что крутятся в голове и требуют непременно выхода ровными и чёткими строчками на белый тетрадный лист.

Итак! На чём она остановилась? Конечно, на свадьбе! Старушка красиво описала свадьбу Сергея и Катеньки, как они были счастливы в браке много-много лет, что у них родились и выросли два замечательных сына, которые, женившись, подарили своим родителям тоже замечательных внука и внучку.

И более подробно изложила судьбу Сергея...

Окончив университет, он отказался от службы, а полученные знания инженера использовал для ведения хозяйства в графской усадьбе, перестроив её на свой лад. Так, например, на полях умело использовал купленный за границей сельскохозяйственный инвентарь. Крестьяне, работающие у молодого хозяина, были довольны: он не принуждал их трудиться больше установленного времени и достойно платил. В своём уезде не раз избирался в земское собрание от местных землевладельцев.

А вот Лёвушка, выдав замуж сестру, уехал в столицу надолго. Университет бросил, неожиданно связался с народовольцами, и ему грозила каторга. Но с их же помощью сумел сбежать во Францию, удачно там женился, занялся виноделием и вскоре забыл о своём бунтарстве как о дурном сне, сделав вывод, что дело по душе и любимая женщина рядом много дороже красивых, но чужих идей.

Каждого из главных героев писательница наградила приятным нравом и доброй душой. Ей хотелось, чтобы описанные ею события отличались от реальности, в которой она жила. Пусть все будут счастливы и довольны... Хотя бы в романах!

Она отложила ручку и закрыла тетрадь. Вот-вот наступит рассвет...

Книга почти дописана. Она закончила предпоследнюю главу на 1914 году. Осталось написать о сыновьях Катеньки и Сергея – офицерах российской армии, сражавшихся на полях Первой мировой и оставшихся в живых.

А в 1917 году родилась она – прямой потомок своих литературных героев. Именно на этой дате старушка мыслила поставить точку. Ведь о последующих годах и без её сочинения много информации, тем более в пору Интернета.

Почувствовав усталость, она решила передохнуть.
Прилегла на диван.
Закрыла глаза.
Ощутила необычайную лёгкость и успокоение.
И наступила тишина...

Она не слышала скрипа открывающейся двери, не слышала, как вошла соседка с подушкой в руках, собираясь совершить страшное... Но первый луч солнца, осветивший умиротворённое лицо старенькой писательницы, злодейку остановил. От увиденного Зинка отшатнулась и перекрестилась – бог миловал!

Прикрыв тело покрывалом, хищно оглядела комнату.
Взять нечего!
На столе лежала исписанная тетрадь...
Довольно ухмыльнувшись, засунула её в карман халата и спокойно вышла из комнаты.

P.S. Не прошло и года после смерти писательницы, как на прилавках магазинов города появилась книга автора Зинаиды Тушкиной, которая называлась «Неоконченный роман». Книгу с удовольствием покупали студентки и домохозяйки, она не раз переиздавалась, а один из знаменитых продюсеров в передаче о кино рассказал, что кинокомпания «ПАРАДИЗ» приступила к съёмкам многосерийного фильма по мотивам этого популярного произведения.

04.09.2016г.

Сказание об Анне

«Дела давно минувших дней...» А.С.Пушкин

- Боярышня пропала, – неожиданно на весь двор заголосила старая нянька.
- погоди орать-то! Ищи лучше! Может она играет с тобой, а ты кричишь, как оглашенная. Разбудишь хозяина – не поздоровится, – наставлял няньку старший конюх.
- Уж солнце к закату клонится, а он всё спит. Ночью чего делать будет? Глаза выголя лежать? – заворчала старуха.
- Не твоего ума дело, – ухмыльнулся конюх. – Сейчас людей да девок кликну, пушай боярышню вместе поищут.
- Ох, худо! Ох, худо! Умыкнули нашу красавицу, чует моё сердце – умыкнули! – причитала нянька, суетливо оглядывая двор и запоры на воротах.

Пришлось-таки разбудить хозяина, почивавшего после обеда, и он вместе с дворней принялся искать дочь. Осмотрели каждый уголок в усадьбе, оглядели сад, спустились к реке, но молодой боярышни след простыл. Её вещи и украшения лежали на своих местах, покои чисто убраны – значит, не сбежала, а была похищена – уверился боярин, и защемило немолодое отцовское сердце, да навалилась тоска чёрная...

Что же это за напасть такая на семью его! Пятнадцать лет прошло, как похитили жену любимую, чуть не помер тогда от душевной боли. Одной дочерью и жил после, которая обличем на мать становилась похожа: чем старше, тем больше. Теперь вот и её полонили – красавицу синеглазую и русоволосую! Любит таких татарва, крепко любит. И ни за какие богатства не соглашается вернуть. А в том, что воры именно они, боярин не сомневался.

Прошлый раз к ногам князя дары клал немалые, чтобы помог найти жену. Князь и людей выделил для поисков, и гонцов к татарве разослал – не помогло! Теперь и дочку – радость последнюю увели. А как надеялся выдать её за хорошего человека, чтобы родила ему внука-наследника. И вот мечты далеко за воротами усадьбы заплутали, а жизнь что ночь безлунная установилась.

Тоскуя, неприкаянно бродил по своему большому терему, омывая слезами углы в палатах, и даже за недогляд драть дворню сил и желания не было.

Но как-то обратил внимание на юркнувшего под лавку мальчонку – сынишку старшего конюха, который, завидев хозяина, решил упрятаться подальше. Боярин, было, мимо прошёл, только краем глаза заметил на белой печи, что напротив лавки, какую-то рябь. Глянул и ошеломлённо охнул! На него, широко раскрыв глаза, смотрела жена и дочь в одном лице. Не то Аннушка, не то Любушка.

- Кто сделал? – еле выговорил он.
- Я, – из-под лавки выполз сынишка конюха.
- Как?
- Угольком.
- Ладно вышло! Чертёнок чумазый.
- Я уберу, – испуганно залепетал мальчонка.
- Не смей! А ещё сможешь?

- Смогу.
- Скажи отцу: пусть найдёт доску широкую, выбелит её, и ты мне Любушку ещё разок изобразишь.
- Лики человеческие повторять – это я с радостью! – расхвастался умелец.
- Ишь ты? – удивился боярин.

И вскоре в трапезной, как раз напротив окна, прибили доску с изображением единственной дочери. На душе боярина посветлело, и он вдруг уверился, что его Любушка жива, здорова, просто ненадолго вышла погулять и обязательно вернётся!

Прознав о кручине боярина, к нему с утешением приехал младший брат со своим молодым другом, служившим толмачом у князя. За обедом боярин заметил, что друг брата очень внимательно смотрит на изображение дочери. Предварив вопрос хозяина дома, гость спросил:

- Боярин, это и есть твоя жена?
- Дочка. Она на жену очень похожа, – грустно ответил тот.
- Хороша! – внимательно глядя на рисунок, восхитился толмач.
- Сердце кровью обливается и одновременно на радость исходит, когда смотрю на лик сей.
- Мне кажется: я видел женщину очень похожую на твою дочь.
- Где! – воскликнул боярин, и сердце его радостно забилося.
- В одном из улусов, куда ездил по поручению князя.
- А сколько ей годков?
- Думаю, поболее тридцати.
- Это жена. Аннушка, – боярин в волнении привстал и, держась за стол, спросил, – она рабыня?
- Скорее наложница. Одета богато, и отрок с нею рядом – лицо ангельское, но телосложением крепок.
- Попрошу князя, чтобы позволил мне поехать в тот улус.
- Тебе не нужно! Мы сделаем по-другому, – ответил молодой толмач и добавил, – я помогу, но...
- Проси чего хочешь!
- Отдашь в жёны дочь?
- Ты сначала найди её.
- Найду!
- Будешь люб – отдам!

Князь в помощи боярину опять не отказал и отпустил толмача с небольшой дружиной к хану, передав для него грамоту с пожеланием здоровья и богатые дары, в душе надеясь: придёт время и потеснит он хана подальше на восток и отвяжется от обязательства платить дань немалую да из полона людей своих освободит.

***

Молодой толмач по имени Андрей Васильев, побывав у Великого Тимерхана, свернул в сторону знакомого улуса, владел которым Хайдар – сын хана от одной из его наложниц.

По случаю приезда княжеской дружины с обозом немалого добра Хайдар устроил праздник. Вот здесь Андрей и надеялся встретить женщину, показавшуюся ему похожей на дочь

боярина. Делая вид, что доволен оказанной ему честью и вниманием, во время обеда исподволь поглядывал на прислужниц, но среди них знакомого лица не нашёл...

И только вечером по окончании праздника, когда награждали воинов, победивших в скачках и борьбе, толмач опять увидел ту самую женщину. Именно она подносила подарки победителям. Андрей догадался, что это не простая наложница: явно эта женщина в богатых одеждах имеет прямое отношение к большой семье самого хана.

После вручения наград гостей усадили в большой круг и стали угощать кумысом, а молоденькие рабыни пели и танцевали, перед дружинниками, завлекая их на прекрасную ночь любви.

Андрей изнемог от ожидания момента, когда можно будет переговорить с Анной. И тут к нему подошёл паренёк, которого он видел на сегодняшнем празднике и рядом с ней в прошлый приезд. Юноша присел рядом.

– Русский, тебе понравились скачки? – без обиняков спросил он.

– Да. Ты оказался быстрее всех, – Андрей сначала растерялся его натиску, но затем обрадовался шансу выведать главное.

– Твои люди тоже быстрые воины. С такими не стыдно соперничать.

– Рад такой оценке. Ты сын Хайдара? – наобум спросил Андрей.

– Да. Почему спрашиваешь? Разве не знаешь? Хотя... Нас у отца пятеро.

– Волосы твои светлые и глаза синие.

– Среди наших воинов много синеглазых. Небо одно на всех.

– Согласен. А кто твоя мать?

– Она жена Хайдара.

– Вот как? – нарочно удивился Андрей, догадавшись уже сам, – но она не похожа на татарочку.

– Мама из ваших. Только молчи. Отец запрещает говорить о том.

– А как её русское имя?

– Зачем тебе? Ладно... Скажу. Сам знаешь, если сделаешь плохо – убьют.

– Не сделаю. Клянусь честью воина.

– Анна.

– Ты береги маму и не давай в обиду. Никому!

– Никто и не посмеет. Отец убьёт любого.

– Любит?

– Больше жизни! А вот и она, – улыбнулся юноша.

Андрей обернулся и увидел Анну, за которой шли три прислужницы, остановившиеся чуть поодаль и не сводившие глаз со своей госпожи.

– Аглияр, тебя хочет видеть отец. Поторопись, – обратилась она к юноше, и тот сразу поспешил к самой большой и богатой юрте.

– Доброго здоровья, Анна, – тихонько сказал Андрей, – я от твоего мужа – боярина Владимира Малышева.

– Долго же он меня искал. Его сын вырос. Пятнадцать годков недавно исполнилось, – тихонько и на родном языке проговорила женщина.

– Может тебя увезти?

– Не получится! Поймают – убьют всех. Да и привыкла я уже.

- Дочь твою тоже украли. Боярин сохнет от горя и тоски.
- Несчастье-то какое! – ужаснулась Анна.
- Передам боярину, что ты жива, здорова и сына его растишь.
- Скажи, что помню мужа, данного мне богом, и пусть простит за мою другую жизнь.
- Всё передам, Анна!
- За дочь узнаю. А сейчас уходи! Служанки коршунами косятся.

На другой день толмач с дружиной отправился в родные края, а Анна теперь только и думала, как отыскать среди пленников свою дочь. И когда, по её разумению, Андрей был уже на подступах к родной стороне, она завела с мужем тревожащий сердце разговор.

- Так быстро выросли наши сыновья! Аглияр совсем взрослый стал, – начала она изда-лека.
- Да. Уже мужчина. Победил в скачках на празднике в честь русских. Пусть знают, что наши воины самые быстрые и самые сильные.
- Спасибо, что никого не обидел и отправил моих соплеменников с миром.
- Грустишь? – Хайдар обнял жену.
- Очень тебя люблю. Но...
- Скажи, и я сделаю всё, что захочешь.
- От русских узнала...
- Говори! – Хайдар нахмурился.
- Моя дочь похищена. Тревожусь за неё. К кому она попала? Что за люди? Никогда ни о чём тебя не просила. Давно смирилась со своей судьбой и даже благодарю её за тебя и детей. Но сейчас очень прошу – помоги! Спаси мою дочь. Верни её отцу.
- Сделаю. Но обещаю никогда больше не напоминать о своём прошлом.
- Обещаю!

Вскоре Хайдар с воинами отбыл к хану.

***

Великий Тимерхан ценил сына за доблесть и силу. Да, Хайдар мог приумножить земли, а вот покончить с родовыми распрями не умел. Здесь нужна была хитрость и изворотливость. Вокруг крепили чужие племена, желающие в любой момент напасть и оттеснить Тимерхана к горам, подальше от зелёных пастбищ. В последние годы он всё чаще беспокоился о нерушимости своих владений. Нужно укреплять род, а для того связывать его кровными узами с другими племенами...

Один Хайдар у него остался, остальные сыны погибли юными в сражениях, а сам он уже не молод, и детей иметь не может. У Хайдара сыновей пятеро и это хорошо. Жаль, что кроме Аглияра, женить пока некого, остальные малы ещё. Но Хайдар-то здоровый и крепкий мужчина, только живёт с одной русской и других жён не желает. А это плохо! И тогда Тимерхан задумал хитрость...

- Хайдар! У меня для тебя подарок, – в первый же день по приезду сына сообщил он.
- Благодарю, Великий хан! – поклонился тот.
- Мне тут красавицу доставили. Глянешь?
- Если хочешь, – безразлично ответил сын.
- Не понравится – возьму себе. Будет забавлять меня танцами перед сном.

– Прости! Я готов посмотреть.

Тимерхан хлопнул в ладоши, и в юрту вошла девушка с головы до пят покрытая лёгким покрывалом.

– Снимите, – скомандовал хан, и прислужницы аккуратно его убрали.

– Ах! – вырвалось у Хайдара.

Перед ним стояла его юная жена. Именно такой он увидел свою Анну впервые. И, конечно, сразу догадался, что это её дочь.

Он оценил коварство отца, но постарался сдержать эмоции и пока промолчать.

– Что скажешь? Знакомо личико?

– Да, Великий хан.

– Может оставить девчонку себе вместо игрушки?

– Воля твоя!

– Ладно! Вижу, что понравилась. Дарю!

– Спасибо, отец! – сдерживая радость, проговорил Хайдар.

– С одним условием...

– Слушаю!

– Возьмёшь второй женой Салиху – дочь Мурзахана. Она у него единственный ребёнок, как и ты у меня теперь. Не дал ему Всевышний детей более. Потому очень ею дорожит и любой каприз исполняет. По слухам, девчонка давно тебя любит. Племя их очень богатое, и Мурзахану нужен наследник. Коли возьмёшь в жёны Салиху – бери русскую и делай с ней, что хочешь, а нет – воинам на потеху отдам.

– Повинуюсь, Великий хан. Твоя мудрость достойна наших предков. Беру русскую себе.

– То-то! Меньше думай о своём улусе, а больше обо всём ханстве.

«Хитёр хан, очень хитёр, – думал по дороге домой Хайдар. Чтобы заставить меня жениться второй раз, выкрал у боярина Малышева дочь Анны – дочь моей любимой Айгуль. Это имя я выбрал для жены сам, когда впервые увидел её в лунную ночь. Она показалась мне похожей на чудесный неизвестный доселе цветок! И дочка также прекрасна и нежна: главное – цела и невредима».

***

Возвратившись в свой улус, Хайдар отправил Любашу с прислужницей в юрту для гостей, а сам сразу встретился с Анной.

– Айгуль! Придётся тебя огорчить, но волю отца я выполнить обязан.

– У тебя появится вторая жена? – догадалась Анна.

– Да. Но это ничего не значит. Ты останешься любимой!

– Как её зовут?

– Салиха.

– Надеюсь, она соответствует своему имени и, живя здесь, не изойдёт на ревность и злобу.

– Не переживай! Отправлю её в самую дальнюю юрту.

– Не нужно! Я чту ваши обычаи, и пусть она живёт рядом. Постарайся Салиху полюбить, но, конечно, чуточку меньше, – с улыбкой сказала Анна.

– Ты мудрая женщина! А теперь самое главное!

Анна замерла...

– Я привёз твою дочь
– О, Хайдар! Где она?
– Сейчас приведут.

Хайдар обнял жену и заставил присесть на подушки.
Привели Любашу.

Девушка, насмотревшись в плену на жизнь чужих людей, уже не верила в доброе и приятное. Её не били, не обижали, более того – пылинки сдували, но она всё время ждала плохого и страшного. Кто-то намекнул, что она станет наложницей Великого Тимерхана – уже старого и очень жестокого. Любаша испугалась и всё время ждала, когда это случится, вздрагивая при виде любого мужчины. Перед ханом она стояла, склонив голову, и, видимо, ему не понравилась, потому что её опять куда-то повезли. По дороге один большой и красивый человек однажды погладил девушку по голове и угостил сладкой хурмой. Его звали Хайдар.

Анна, любясь дочерью, на время онемела. А Любаша, глядя на незнакомую русскую женщину, вдруг увидела в ней себя. Отец рассказывал, что матушку выкрали татары, девушка её не помнила, и вот мать перед ней, с глазами полными слёз, готовая вот-вот разрыдаться.

– Доченька моя, – Анна поднялась с подушек, подошла к Любаше и обняла.

Хайдар, немного ревнуя, наблюдал за женой, не зная, радоваться ему или тревожиться за будущее своего рода. Может, надо было оставить девчонку хану, и пусть бы тот на старости лет утешался прелестями юной красавицы. Но вспомнив о слове данном Айгуль, решил не терзать сердце непонятной грустью и, отпустив Любашу отдыхать, а жену успокоив, сказал:

– Я помог вернуть тебе дочь.
– Спасибо, Хайдар! Никогда не забуду твоей доброты.
– А теперь будем готовиться к свадьбе.
– Хорошо. Но позволь узнать...
– Что?
– Когда мы отправим Любашу домой?
– Зачем? Пусть живёт с нами. Найдём ей молодого богатого мужа, и будет жить, как ты. Разве тебе плохо?
– По ней тоскует её отец, – грустно ответила Анна.
– Всё своего боярина забыть не можешь, – неожиданно съязвил Хайдар.
– Я-то забыла. А она отца не забудет. Он же девочку растил без матери.
– Хорошо. Уедет с Андреем Васильевым. Он на днях будет, – с раздражением ответил муж.

Анна почувствовала недовольство Хайдара и подумала: видимо ревнует её к прежней жизни. Но почему? Минуло немало лет, как она покинула родимый дом, любит мужа, и он о том знает. У них пятеро детей, и вдруг эта непонятная злость!

А Хайдара действительно злило даже маленькое упоминание Анны о своём прошлом. Он обожал её и делал всё, чтобы жена жила настоящим: баловал и все ночи, будучи дома, проводил только с ней; сундуки её ломились от одежд и украшений, фрукты и восточные сладости регулярно привозили в улус с южной стороны; любил своих сыновей: играя с ними, приучал к взрослой жизни воина и потому считал, что его Айгуль должна давно забыть край, где родилась, бывшего мужа – боярина, и быть всем довольна.

***

Толмач Андрей Васильев приехал как раз к свадьбе Хайдара и Салихи. Он уже знал, что Любаша встретила с матерью, и был этому необыкновенно рад, потому как однажды увиденный образ девушки, нарисованный угольком на доске, преследовал его постоянно, и Андрей мечтал скорее увезти Любашу домой.

Вторая жена Хайдара на своей свадьбе выглядела очень счастливой. Она уже год любила этого большого и красивого мужчину. Среди татар высоких немного, но Хайдар был именно таким. Видимо, уродился в мать – персидскую красавицу.

Салиха впервые увидела его на большом празднике воинов, на который собирался народ с разных племён. Сначала хранила свою любовь в сердце, но Мурзахан заметил грустные глаза дочери и, когда она раскрыла причину девичьей тоски, пообещал, что дочь обязательно станет второй женой Хайдара! И тогда ласками да молодым телом пусть обольщает наследника Великого Тимерхана. А ещё неплохо бы змеёй вползти в новую семью, стараясь нащупать слабое место в отношениях старшей жены и её мужа и, внеся туда разлад, полностью завоевать сердце Хайдара, чтобы родившийся у него от Салихи сын в будущем стал Великим ханом. Ради этого Салиха и старалась: обольщала и вползала...

В первую брачную ночь она демонстрировала мужу всё, чему учила её мать. Хайдар расслабился, забыв на время о своей Айгуль, и позволил юной красотке ублажить себя. Выполнив супружеский долг, встал с постели, пожелав уйти в свою юрту, но молодая жена попыталась его удержать:

- Подожди! Побудь со мной ещё немного.
- У меня много дел.
- Но утро только наступило! Или тебе не наскучили прелести старой вруньи?
- Замолчи! – крикнул Хайдар, – ещё раз услышу, как ты хаешь Айгуль, ноги моей в твоей юрте не будет.
- Прости за правду, – Салиха опустила глаза, зная, что зерно скандала, брошенное ею вовремя, обязательно прорастёт.
- Говори, – насторожился муж.
- Аглияр не твой сын.
- Что ты сказала? Я убью тебя, – прошептал сквозь зубы Хайдар.
- Слышала, как толмач передавал твоей жене от её русского мужа пожелания здоровья и просьбу обнять его сына, – сжавшись в комок от страха, пролепетала Салиха.
- Когда слышала?
- В прошлую ночь перед свадьбой я почти не спала, и утром у меня закружилась голова. Вышла на свежий воздух. И прямо у своей юрты увидела, как Айгуль и толмач разговаривали между собой.
- Они говорили на нашем языке?

- Да. Я ещё подумала: совсем страх потеряли.
- Проверю. Если врешь – умрешь в одиночестве.

Такая новость могла свести с ума любого мужчину. Хайдар вбежал в юрту Анны, лицо женщины тут же осветилось счастьем. Ещё бы! После первой брачной ночи со второй женой, муж с утра пораньше возвратился к ней! Но заметила, что тот очень серьёзен, а в глазах сверкают злые огоньки. Так бывало всегда, когда он возвращался после походов и набегов, в которых терял близких друзей.

- Айгуль! Ты мне обещала не напоминать прошлое.
- Я слово держу.
- О чём говорила с толмачом?
- Говорила, что ты отпустишь Любашу к отцу.
- Аглияр сын боярина? – напрямую спросил Хайдар.
- Да, – еле слышно прошептала Анна.
- Почему сразу не сказала?
- Ты бы убил меня.
- Красивых женщин не убивают. Их очень любят воины, – усмехнулся Хайдар.
- Убей меня сейчас. А детей пожалей. Ради всего хорошего, что между нами было.
- Уже не верю в это хорошее.
- Почему? – спросила Анна и, глядя мужу в глаза, ласково проговорила, – я полюбила тебя сразу, как увидела! Поэтому не жалею, что оказалась в чужой стороне и давно не тоскую по родной земле.
- А как же боярин?
- Я из небогатой семьи. Меня сосватали, не спросив.
- Ты его любила?
- Полюбить не успела. Дочку родила, и скоро меня выкрали. Что опять беременная – поняла позже.

Хайдар задумался, а потом решительно произнёс:

- Теперь всё равно. Молчи и слушай... Собирайся! Ты с дочерью едешь домой вместе с толмачом и его дружиной. Вас будут охранять мои воины. Можешь взять любую одежду и украшения. Всё!
- А мои дети?
- Это мои дети и Аглияр тоже.
- Можно с ними попрощаться?
- Нет!
- Отпусти дочь, а мне позволь остаться. Я умру без вас, – Анна, закрыв лицо руками, заплакала.
- Не умрешь! Мне обманщица не нужна.
- Хайдар, поверь! Я всегда любила только тебя.
- Скажешь это своему боярину, – опять усмехнулся муж, повернулся и ушёл.

Случилось так, как решил сын Великого Тимерхана!

Анну с Любашей увёз на родину толмач Андрей Васильев. Хайдар очень скоро взял ещё двух жён, а Салиху отправил в самую дальнюю юрту и наказал ей под страхом смерти держать язык за зубами, навсегда забыв имя Аглияр.

Благополучно добравшись до родных земель, Анна и Любаша были радостно встречены боярином Владимиром Мылышевым. Любаша вскоре вышла замуж за Андрея, и у них родился мальчик. Они зажили своим домом. А Анна так и не смогла полюбить своего венчанного мужа и привыкнуть к усадьбе. И даже построенный специально для неё домик, напоминающий юрту, не радовал сердце и душу женщины, до скончания дней тоскующей по сыновьям и своему татарскому мужу...

27.10.2017г.

Графинюшка

– Барышня, зачем же вы одна на речку пошли? Ведь обидеть могут!
– Да кто в этой глуши меня обидит! Кроме гусей да уток нет никого.
– Как же! Давеча прачку аккурат туточки напугали. Говорит: еле ноги унесла от охальников.

– Сравнила тоже... Наша Марковна, что свежий пирог с вишней! Есть за что ухватить, а я? Худенькая, бледненькая... Фу! Самой противно. И в кого только уродилась? Вроде и маменька красавицей слыла, и папенька, говорят, дамам нравился...

– Ой, барышня, зачем вы на себя напраслину возводите? Сами женихов чуть не метлой гоните, опосля жалуетесь. Давайте я вам рубашечку выжму!

– Выжми! Я платье на голое тело надену. До дома дойду – там переоденусь.

– Вот и ладно.

– Дарья! Ты чего прибежала-то?

– Письмо привезли от князя Северского. Уж, какой красавец – аж сердце заходится! Жаль, что сам не явился...

– Так может ему подарок сделать?

– Да смеюсь я, смеюсь! Я вас, барышня, ни на кого не променяю, ежели только сами от меня откажитесь.

– Не зарекайся! А до князя охотниц и без тебя достаточно. Где письмо-то?

– В спальенку отнесла. Там и оставила.

– Отчего с собой не взяла?

– Думала, вы в доме. Обыскалась...

– Тоже мне – дворец нашла! Заплутала в четырёх комнатах да одной людской – всё моё наследство!

– А скотный двор, а сад? Разве мало? Всюду прибрано, люди довольны. Да с такой хозяйкой век живи – не тужи!

– Всё верно, Дарья! Всё верно. Грех бога гневить. Идём уже! Посмотрю, что там князь написал, да и завтракать мне пора...

Было прекрасное летнее утро, обещавшее жаркий денёк. От речки к барскому дому шли две юные прелестницы. Одна из них – графиня Софья Николаевна Быстрова, другая – её дворовая девушка. Дарья несла мокрую рубашку своей барышни, а графиня, распустив волосы, похожая на лесную сказочную фею – лёгонькая и быстрая, торопилась прочитать письмо от соседа – богатого помещика Антона Андреевича Северского. Он частенько навещал девушку, да и у себя в доме её с радостью привечал.

Уж так вышло, что страшный мор унёс в могилу обоих родителей Софьи. Она гостила в это время у бабушки, потому осталась жива. Старушка взяла над девочкой опеку и, продав домик в Петербурге, стала жить вместе с ней в небольшом имении сына.

Софья обучилась грамоте очень рано: по бедности обошлась без гувернанток. Пока батюшка был жив, то с удовольствием с ней занимался, не жалея времени. Она прочитала все книги, что были в его кабинете, и отнеслась к прочитанному очень серьёзно. Жизнь и поступки героев переносила на себя, рассуждая, как бы она поступила в данный момент и в данной ситуации. Рано повзрослев из-за смерти родителей, решила помогать бабушке в управлении имением, и потихоньку всю заботу о старушке и своих крепостных взяла на себя.

***

В письме Антон Андреевич уведомлял, что скоро по делам уедет в Петербург, но перед отъездом устраивает бал и приглашает к себе соседей. Софью Николаевну желает видеть обязательно и пришлёт за ней свою коляску.

Юная графиня очень обрадовалась предстоящему празднику. Наконец-то можно будет развлечься, потанцевать, поболтать на французском, а то окончательно превратилась в обычную помещицу, у которой все думы о новом урожае, да удое. Для графской дочери это должно быть странно, впрочем, её такая жизнь вполне устраивала.

Грациозная и в новом платье она приехала во дворец князя будто принцесса, удивив своим появлением тех, кто уже не помнил о её существовании. Соседи давно забыли графа Быстрова: умер и умер. Да, была у него дочь, но она ещё маленькая... И вдруг явилась девушка – хорошенькая, естественная в поведении, но знающая себе цену. Местное дворянство отнеслось к ней по-разному. Кто-то принял радушно, а кто-то пожалел обычного приветственного кивка – не богата, без связей, платьице дешёвенькое, в волосах полевые цветочки. Конечно, для деревенской жизни миленько, но здесь же общество – надо понимать! Только хозяин торжества сумел красиво и с достоинством представить её гостям:

– Прощу познакомиться с моей протезе! – он сделал акцент на последнем слове, – дочерью покойного Николая Васильевича Быстрова. Мы прошли с ним кампанию восемьсот двенадцатого года. Он был храбрым воином и моим хорошим другом. Сейчас Софья Николаевна проживает вместе с его матушкой. И, поверьте, такого порядка, как в её небольшом поместье не у каждого взрослого мужа сыщешь, а уж бумаги ведёт аккуратнее любого немца.

Гости поняли намёк князя – покровительство богатого и знатного человека дорогого стоило. И в этот вечер Софья танцевала и веселилась, не ощущая недостатка во внимании кавалеров.

Но были две знатные дамы, которых покорила симпатия князя к молоденькой дворянке. Запахавшись от танцев, они присели на диванчик в гостиной и не преминули на этот счёт промеж собой пошуськаться...

– Поступок князя достоин всяческих похвал, но не стоило приглашать эту девицу в наше общество, – ревниво и сквозь зубы проговорила одна из дам, имеющая собственные виды на хозяина особняка, – хотя... для деревенской жизни сойдёт, – пожалала она плечами.

– Почему же? Особа титулованная, а значит наша, – усмехнулась другая.

– Два десятка крепостных душ, одна деревенька да домик в четыре окна – вот всё, что имеет эта титулованная особа. Наш князь решил поиграть в благородного рыцаря.

– Ох, Евдокия Ивановна! Совершенно тому не удивляюсь. Он бывал у нас в доме. После возвращения из Европы стал вести странные речи об отмене крепостного права, и всё больше становится похожим на бунтовщика.

– Но это невозможно! О чём он думает? Вот что значит остаться без жены. Будь она жива, то не позволила бы мужу заниматься всякими глупостями.

– Так завлеките его! Была бы я свободна, то непременно опечатала этот кладик.

– Вы думаете, я не пытаюсь? Но моих намёков он не понимает или не хочет понимать.

– Вот как? Попробуйте действовать через эту Софью. Окажите ей внимание, подарите что-нибудь. Он заметит, что вы добры, не спесивы и оценит. Вот и будет ему равенство с братством!

– Ваши слова очень странные. Где вы их наслушались?

– Мой муж пытался о подобном рассуждать, но я быстро поставила его на место: спросив, чтобы он делал без своих крепостных? Сам бы землю пахал? Да, и в Сибири места много...

– Значит, советуете действовать?

– Конечно! Потом перевоспитаете. Не забывайте – он очень богат!

– Пожалуй, вы правы... Только у него есть сын. А я чужих детей не люблю.

– Ах, Дуня! Какой пустяк! Отправьте мальчишку в кадетский корпус.

– У вас на всё есть ответ.

– Поживите с моё!

И дамы громко расхохотались...

***

После бала разъехались не все. Те, кто остался, разошлись на отдых по комнатам большого княжеского дома.

Софье спать не хотелось и, захватив свечу, девушка поднялась на второй этаж в библиотеку. Здесь она уже бывала, потому знала, на какой полке стоит, интересующая её книга. Присев с ногами на диван, стала перелистывать страницы, выискивая непрочитанные главы.

– Знал, где можно найти Софью Николаевну, – неожиданно услышала она знакомый голос.

– Простите, Антон Андреевич! Я без спроса.

– Даже рад, что вы здесь. Что читаете?

– «Земледелие» Марка Катона.

– Оо! Замечательное сочинение. Ему уже больше двух тысяч лет.

– В нём столько полезных советов! И по строительству, и по земледелию, и по скотоводству...

– А как же рыцарские романы?

– Когда не могу уснуть, то читаю их, – улыбнулась Софья.

– Умница, – дрогнувшим голосом проговорил Антон Андреевич и убрал ей за ушко длинный локон, спадающий на лоб и закрывающий глаза.

– Благодарю за комплимент, – ответила она, приложив руку князя к своей щеке. Это вышло для неё самой настолько естественно, что девушка даже не смутилась.

Свечи в канделябре потрескивали, и создавалось ощущение, будто за ними кто-то подглядывает. Князь взял с кресла плед и укрыл им ноги гостьи.

– Можно я останусь здесь до утра, – попросила Софья.

– Вам можно абсолютно всё, – ответил он с доброй усмешкой и, немного постояв, будто ожидая чего-то только ему ведомого, вышел из библиотеки.

– Ах, ах, ах! Как мило, – неожиданно раздалось из дальнего угла комнаты, – оказывается вы здесь уже всегда!

Софья вздрогнула, подняла голову и увидела княгиню Евдокию Ивановну Заднепровскую.

– Простите, я вас не заметила, – девушка вскочила с дивана и хотела убежать.

– Нет-нет! Отдыхайте. Я не побеспокою, – и Евдокия Ивановна, нехорошо засмеявшись, вышла, оставив молодую графиню мучиться в неприятных предположениях до утра.

«Что теперь будет?» – думала девушка, распаляя своё воображение. Она уже успела отметить злой язычок княгини. И как только забрезжил рассвет, попросила одного из слуг князя, чтобы её отправили домой.

***

Утром Антон Андреевич был очень удивлён неожиданному отъезду Софьи и подумал:

«Видимо она пожалела о своём милом жесте, испугавшись нежных чувств взрослого мужчины».

Потому решил прекратить явное ухаживания в её адрес, только мечтать о девушке не перестал. И послал ей в имение популярные книги по естественным наукам, медицине и редкие комнатные растения из своей оранжереи – единственное, что она могла бы принять.

А вспоминая ночную прогулку по саду, которая случилась в ту же ночь, передёргивал плечами и морщился:

«И так себя ведёт великосветская дама? Даже в борделях женщина прежде, чем отдаться, сначала мужчину заинтригует, попытается – понравится. А эта... Противно вспоминать! Разделась, оголив свои прелести... не первой свежести. Прямо в саду. А если бы увидел кто-то из гостей или слуг? Решила, что ей позволительна любая выходка? Фу! Еле увернулся и упротил одеться. Кстати, фигура-то у княгини так себе. Толста, матушка, толста. Даже неприятно».

Но Евдокия Ивановна не простила князю явного отказа в любовной утехе и затаилась:

«Подожди, Антон Андреевич! Я ещё напомним тебе эту июльскую ночь. Придёт времечко – в ноги упадёшь. А твою Софьюшку опозорю на всю губернию. Нигде её не примут, нигде руки не подадут. Будет сиднем сидеть в своём захолустье без женихов и подруг. В старых девах на веки вечные останется».

И, прощаясь с князем, сделала вид, будто перед ним не ослабилась, а ночной сцены не было вовсе:

– Ах, Антон Андреевич! Ваше шампанское настолько пьяное, что я ничего не помню о вчерашнем вечере. Даже не помню, как добралась до постели.

– Не переживайте, Евдокия Ивановна! Вы были великолепны...

– Благодарю! А где ваша протеза? Её не было за завтраком.

– Софья Николаевна сама хозяйничает у себя в поместье. Видимо не захотела оставлять его надолго без присмотра.

– Может, ей нужна помощь? У меня очень деловой управляющий.

– Не стоит. Она прекрасно справляется, – Антон Андреевич даже испугался: Софье только участия княгини не хватало!

– Могу предложить ей свои платья. Их можно перешить.

– Только не это! Евдокия Ивановна, не оскорбляйте девушку, она может позволить себе купить новое платье. Не забывайте – она графиня.

– Да не волнуйтесь так! Аж покраснели...

– Ей есть, кому помочь, поверьте.

– Верю, – зло процедила княгиня, уселась в коляску и укатила домой.

***

Через пару дней Антон Андреевич уехал в Петербург. Оттуда он писал Софье письма. Иногда они были похожи на трактат по воспитанию молодых девиц. Тогда она смущалась, но не обижалась, ощущая в них тревогу и волнение за себя. Но чаще послания были очень нежные. Читая их, Софья счастливо улыбалась, целовала исписанный листок бумаги, а её сердечко билось чаще.

Однажды она заметила, что дворовая девушка чуть не каждый день меняет сарафаны.

– Ох, Дарья, смотрю, ты заневестилась.

– Что вы, барышня! Это подарки от княгини Евдокии Ивановны – вашей дальней соседки.

– С чего она взялась тебя одаривать?

– Не знаю! Но она и конюху нашему рубаху новую прислала.

– Почему мне ничего не сказали?

– Простите, барышня! Я подумала: вы о том знаете.

– Вот что... Все подарки вернуть. Скоро в городе ярмарка. Накупим там ситца да сатина и нашъём вам новых рубах и сарафанов.

– Спасибо. Только у нас всё есть.

– Тогда зачем брали?

– По глупости...

– Она сама приезжала?

– Нет. Слугу прислала.

– О чём просил?

– Просил узнать, пишет ли вам князь.

– И что?

– Мы, словечком не обмолвились.

– Так... Все письма – лично мне в руки. Поняла? И никому ни слова!

– Поняла, всё поняла...

– И ещё... Если тебе или кому-то из дворовых в моём имении жить не по нраву, то я уступлю вас Евдокии Ивановне.

– Простите! Простите меня! Что же я наделала... Вот дура-то, вот дура, – и Дарья, упав на колени, улилась горькими слезами.

***

Зимой пришли плохие новости. В Петербурге на Сенатской площади произошла попытка государственного переворота. Погибло больше тысячи человек, много народа было арестовано.

Кто эти бунтовщики Софья не знала, но догадалась, что они выступили против царя. Иногда в письмах князь писал о несчастных крестьянах, замученных тяжёлым трудом на помещика, что неплохо бы их освободить, поскольку люди должны выбирать свою жизнь и своё счастье сами. Софья испугалась. Чтобы никак не навредить князю, она сожгла все его письма. Эти-то сожгла, а новые приходиться перестали, и графиня загрустила.

На масленицу поехала в уездный город и встретила там Евдокию Ивановну, которая сверкая глазами, радостно и торжественно заговорила с ней первая, будто специально поджидала:

- Ну что, Софья Николаевна! Как вам наш князь?
- Давно о нём не слышала, – поникшим голосом ответила девушка.
- Разве не знаете? Он арестован.
- Не может быть. За что?
- Бунтовщиком оказался.
- Не верю! Антон Андреевич – человек честный и благородный.
- Ваш благородный человек пошёл против власти.
- И что теперь будет?
- Будут судить и лишат дворянства.
- Ему можно как-то помочь?
- Наверяд ли...
- А что будет с его сыном?
- Сына забрали родственники.
- Жаль князя...
- Ещё бы! Его любимица осталась без протече.
- Евдокия Ивановна, вы о чём?
- Не притворяйтесь, графиня! Теперь за вас вступиться будет некому.
- Разве мне что-то угрожает?
- Мало ли, – загадочно усмехнулась Евдокия Ивановна.

Встреча с ней Софью очень расстроила. Но хорошенько подумав, она решила: особо этой даме доверять нельзя. Вполне возможно, что по злобе или ревности она многое выдумала или просто сгустила краски. И чтобы узнать о князе наверняка Софья собралась и поехала в Петербург к его родственникам, оставив хозяйство на бабушку и деревенского старосту Матвея.

Её приезду родные князя нисколько не удивились, а даже обрадовались. В смутное время люди дорожат каждым добрым человеком, рады любой поддержке и помощи.

Матушка Антона Андреевича была наслышана от него о Софье и, увидев девушку воочию, восхитилась её молодостью и смелостью. Запросто приехать к незнакомым людям решится не каждый. Значит, её Антоша этой девушке небезразличен.

- Софья Николаевна, мы и сами не знаем, что будет с князем. Скоро суд, тогда всё и прояснится, – без церемоний объяснила она.
- За что его арестовали? Разве Антон Андреевич был на той площади?
- К счастью нет. Князь в это время ездил по делам в Москву. Его арестовали позже.
- Тогда почему?
- Обвинили в вольнодумстве.
- Это преступление?
- Выходит, что так. Ещё было какое-то письмо. Обычный донос.

– От кого?
– Знать бы... По секрету подсказали, что почерк женский, и от письма ощущался запах дорогих духов.
– Понятно...
– Софья Николаевна, вы так молоды. Зачем вам мой сын?
– Я люблю его с детства.
– Простите! Но его могут отправить в Сибирь.
– Значит, поеду за ним.
– Мой сын всегда умел выбирать женщин, – с гордостью воскликнула матушка Антона Андреевича.

***

Дворянка встретила Софью в слезах. Накануне умерла бабушка. И теперь девушка осталась совсем одна. После похорон последнего родного человека в её семье она серьёзно задумалась о себе...

Каждый день поутру она уходила к любимой речке и, сидя на берегу, складывала и вычитала все повороты своей сиротской судьбы. Насчёт князя ясности никакой. Да, она его любит и грезит только им. Но где он, что с ним? Она согласна поехать за любимым куда угодно, но как же её люди? Она за них в ответе. Они не должны быть привязаны к её жизни. Есть, правда, ещё один вариант – самый простой и надёжный. Можно выйти замуж. И женихи найдутся – только кликни. Пусть не очень богатые и не очень умные, пусть самые обычные! Но, чтобы родить детей, особого ума не надо, да и богатства тоже. А любовь? Многие живут без любви и даже счастливы.

Софья смотрела на воду и думала: «Течение реки мне хорошо видно! И справа, и слева, и далеко впереди, а вот, что произойдёт со мной через минуту – неизвестно». И как-то её грустные размышления прервала Дарья...

– Барышня, вам письмо.
– Письмо? – Софья напряглась, – откуда?
– Из Петербурга.
– Давай скорее!

Она вскрыла конверт. Письмо было от Антона Андреевича. У неё закружилась голова и задрожали руки. Князь писал:

«Здравствуйте, милая Софья Николаевна! Мне сообщили, что вы навестили мою матушку в Петербурге и спрашивали обо мне. Узнать об этом было для меня истинным счастьем. Я уже не надеялся на взаимность после той июльской ночи и вашего внезапного отъезда. Зато сейчас настолько рад, что даже приговор суда меня не огорчил. Кстати, он оказался не так суров, как я предполагал. На Сенатской площади я не был, но крамольные мысли в кругу знакомых и друзей высказывал. Этого оказалось достаточно. Кто-то на меня донёс. Кто конкретно – уже неважно. Я отделался некоторым сроком поселения в Сибири. Имя осталось за сыном, вернее за его опекунами. Теперь о самом главном! Дорогая Софьюшка! Если у вас хватит мужества, здоровья и желания, то приезжайте под Тобольск в деревеньку Берёзовка. Там обвенчаемся и будем жить до моего освобождения. Ведь я вас давно люблю.

Но если моё предложение окажется вам не по силам или не по нраву, то я пойму и не обижусь. Ваш Антон Андреевич Северский».

Все мысли о предполагаемых женихах у Софьи тут же вылетели из головы!

«Глупая, – ругала она себя, – да как я могла подумать о счастье без Антона Андреевича! Получила от него весточку и сердце от радости готово выпрыгнуть из груди. Он меня любит, я давно это чувствовала, – Софья тряхнула головой, будто сбрасывая наваждение, – а теперь о делах! Имение продам, вырученные деньги понадобятся на дорогу. Путь неблизкий, – она немного задумалась, но мысли уже чётко выстроились в последовательную цепочку, – как быть с людьми? Тем, кто пожелает, дам вольную. Кто захочет поехать со мной – пусть едут! Остальных придётся продать вместе с помещьем. Справлюсь ли? Должна справиться. Мне теперь ничего не страшно! Я не одна».

***

Евдокия Ивановна разузнала от своих слуг, что Софья задумала серьёзно изменить жизнь. Из Петербурга приходили новости о жёнах бунтовщиков, которые уезжали за ними в Сибирь.

«Уж не собирается ли туда и наша Софья? – думала она. – Если так, то надо прикупить её имение. Пусть небольшое, но доходное. Уж очень князь его нахваливал! За ценой графиня стоять не будет, а конкурентов я быстро отважу, объяснив, что с невестой бузотёра связываться не стоит – можно и неудовольствие властей на себя навлечь. Не зря же я старалась и то письмецо „подмётное“ в Сенат настрочила. Ведь оно дошло, и мне поверили! Правильно сделали. Больно много болтал и любил не тех... Мы же с ним ровесники – нам по сорок. Он первый, в кого я влюбилась и надеялась стать ему женой. А он выбрал Лизку – великосветскую красавицу! Я тогда назло князю замуж за старика выскочила. Муженёк мой быстренько от „хорошей“ жизни в могилу запросился. И осталась я богатой вдовой. Лизка тоже прожила недолго – при родах умерла. У меня опять появился шанс – стать женою князя. Только он на меня не смотрел... И вдруг откуда не возьмись – Софья! Девчонка совсем, а князя в оборот крепко взяла. Ладно – пусть! Но её поместье я не упущу... В качестве компенсации».

***

Вместе с Софьей согласились ехать кучер с женой, да Дарья с женихом – деревенским знахарем. Василий знал грамоту, а ещё хорошо разбирался в травах, и не единожды брался лечить крестьян. Местный доктор даже удивлялся, насколько верно простой парень мог определить болезнь.

На вольные хлеба подались только двое. Мужики были из дворовых. Один умел тачать сапоги, другой клал знатные печки, а потому оба надеялись, что в городе не пропадут. Остальные крестьяне побоялись покинуть имение...

– Софья Николавна, ты за нас не думай. Езжай с богом! Мы привычные к работе на земле и ничего другого не умеем, – успокаивал её деревенский староста.

– Боюсь, что новая хозяйка вам не понравится. Говорят, что больно строга с крепостными. Вы же батогов пока не пробовали!

– Барыня! И про это не беспокойся. Бог не выдаст, свинья не съест!

- Странно, что других покупателей на моё имение не нашлось.
- Так люди говорят, будто княгиня всех в округе запугала. Дескать, опасная ты у нас, Софья Николаевна.
- Чем же я опасная?
- А зачем так далёко едешь? Да ты не волнуйся. Мы тебя не выдадим. А с княгиней, ежели за батоги возьмётся, разговор будет короткий.
- Ох, Матвей! Она – дама злобная. Найдёт управу на кого угодно.
- Да и мы не лыком шиты. Можем петуха пустить, а можем в леса податься.
- Так едем со мной!
- Нет, барыня! Останемся пока. У меня жёнка на сносях, у Егорки тоже. Ты поезжай, а мы поглядим на новую хозяйку...
- Я вам денег немного оставлю.
- За деньги спасибо! Не откажемся.
- Матвей! Очень прошу – не подведи меня.
- Уж я не подведу.
- Ладно, тогда буду укладываться.
- Вот-вот! Укладывайся, Софья Николаевна, укладывайся...

***

Через пару недель три гружёных подводы с людьми и самыми необходимыми вещами отправились в далёкое путешествие по России. Везли тёплую одежду, солонину, копчёных гусей, хлеб и книги.

Евдокия Ивановна отъезд Софьи проглядела и примчалась в деревню со своим управляющим только через день. В имении её никто не встретил. В доме было чисто и пусто.

- Где люди? Где староста? – кричала она.
- Поди, в поле, – успокаивал её управляющий.
- Урожай убран. В поле делать нечего. Хочу видеть своих людей сию минуту!
- Хорошо, барыня! Сейчас всех пригоню.

И началась для бывших крепостных графини Быстровой другая жизнь, когда на собственной шкуре они испытали «любовь» новой госпожи.

***

Софья с обозом добралась до Антона Андреевича через три месяца. Он жил в обычной крестьянской избе, но графиня знала куда едет и на большее не рассчитывала. На оставшиеся от поездки деньги они купили лес и по весне стали строить новый большой дом, в котором места хватило бы всем.

Сразу, по приезду, обвенчались, и через год у них родилась девочка. Антон Андреевич был этому событию очень рад. Иногда он вспоминал прошлое и удивлялся, что совершенно не скучает по роскошной жизни. «Сколько в ней лишнего, – думал он, – оказывается можно обойтись малым и быть вполне счастливым. Жаль, что рядом нет сына. Придёт время, и я обязательно познакомлю его с сестрой».

Матушка Антона Андреевича не осталась безучастной к судьбе молодожёнов и прислала им в подарок крупную сумму денег. Их хватило надолго. Часть пошла на строительство небольшой больницы, где лекарем служил Василий. Ему как разгодились книги по медицине взятые с собой Софьей Николаевной. Сама она тоже праздную жизнь не вела, и с удовольствием обучала деревенских ребятишек грамоте. У Дарьи с Василием родился мальчик. Они никогда не пожалели, что поехали вместе с барыней в этот далёкий край, и Софья была им за это очень благодарна.

P.S. Через пару лет, после описанных выше событий, в деревню Берёзовка, что под Тобольском, на вольное поселение прибыла партия ссыльных. Их было шестнадцать человек: мужчины, женщины и их дети. Конвоир утверждал, что это беглые крестьяне из бывшего имения Софьи Николаевны Быстровой. Они слёзно упростили начальство направить их именно в эту деревню к своей молодой хозяйке. По дороге вели себя пристойно, всячески помогали конвойным и даже их подкармливали.

30.03.2018г.

Курсистка и городской

– Надоела, зараза! Который день круги наяривает... Или уже в филёрши заделалась, – ворчал на большую орастую ворону молодой и очень симпатичный городской и от души пригрозил, – только нахезай на мой мундир! Застрелю гадину! Не посмотрю, что место людное...

Уж чем он заинтересовал эту старую склочницу, в толк взять не мог, но ворона уже несколько дней кряду встречала его у ворот и провожала до участка, а потом кружила над ним, сопровождая в делах по городу.

Это был приятный весенний вечер. Он возвращался после службы домой и встретил Нину – молоденькую хорошенькую курсистку, которую знал ещё маленькой девочкой. И тут же краем глаза отметил, что летучая преследовательница уселась на тополь, прекратила каркать и продолжила наблюдение за приглянувшимся объектом.

«Точно филёрша», – усмехнулся городской, решив, что эту ворону, видимо, выдрессировали и научили слежке. Только он-то причём? С каким-нибудь революционно настроенным студентом спутала?

– Всё хорошеешь? – переведя взгляд с птицы на девушку, запросто, как давнишней знакомой, сказал он.

– Смеётесь, Николай Петрович? – смутилась Нина.

– Почему? Я вполне серьёзно! С каждым годом всё краше и краше становишься, – с теплотой в голосе продолжил он рассыпаться в комплиментах.

– А что жениться обещали, забыли? – улыбнулась она.

– Не забыл, – Николай вздохнул, – так жизнь сложилась. Прости, Нина! Как вернулся с японской войны, предложили пойти в городские. Семейные для этой работы подходили больше. Вот и женился!

– А я вам верила! – не то пошутила, не то укорила Нина.

– Ты же тогда маленькая была!

– И матушка ваша по голове меня гладила, невестушкой называла. Помните?

– Помню. Матушка умерла.

– Знаю. Значит, я разонравилась?

– Нет! Ты мне всегда нравилась. На ангелочка походила. Просто росла долго.

– Росла как все. Зато теперь у вас жена, ребёнок.

– Вот что! – сменил тему Николай, – завтра не ходи никуда.

– А как же курсы?

– Скажись больной, побудь дома. Студенты опять митинговать собираются. Ты же не с ними?

– А вдруг? – девушка отвела глаза в сторону.

– Нина! Я тебе добра желаю. Угодишь в тюрьму, а после на каторгу загремишь. Этого хочешь?

– Студенты люди интересные и про будущее рассуждают красиво.

– Испортят жизнь и бросят, – ревниво проговорил городской. – Я предупредил.

– Спасибо, Николай Петрович! Всего хорошего! – попрощалась девушка.

И тут же ворона опять напомнила о себе, каркнув и перелетев на ветку выше.

***

Та история с Ниной у Николая приключилась давно, была трогательной, при воспоминании которой на душе его делалось легко и радостно...

Его должны были «забрить» в солдаты и отправить воевать с японцами, а потому перед отъездом он решил нагуляться с друзьями и подругами в удовольствие. Как-то вечером у ворот своего дома он заметил девчужку лет семи-восьми, очень миленькую, одетую в белое праздничное платье и обутую в красные башмачки. Соломенная шляпка с красным цветком, из-под которой выбивались светлые локоны, дополняла наряд. Девочку держала за руку его матушка и улыбалась. Да и как было не улыбнуться маленькому чуду, случайно оказавшемуся у их скромного жилища.

- Вы откуда, прелестное создание? – воскликнул Николай.
- Сбежала от няни.
- Зачем же вы это сделали, милая барышня?
- Она скучная и не понимает моих вопросов.
- Вероятно, она вас ищет?
- Пусть ищет! – улыбнулась незнакомка и спросила, – вы студент?
- Нет. Я скоро стану солдатом и уйду на войну.
- Жаль. Мне нравятся студенты.
- Вон оно что! – Николай засмеялся.
- У меня есть книжка в картинках. Там нарисован королевич Елисей, у него такие же длинные и светлые волосы, как ваши.
- Волосы мои скоро обреют, и меня сразу перестанут любить девушки.
- Я бы не перестала. Станьте моим Елисеем!
- Согласен. Только не усните надолго и дождитесь меня с войны!
- Ни за что не усну.
- Договорились. Я подожду, когда моя царевна подрастёт, и тогда женюсь на ней.
- Надеюсь, что вы умеете держать слово, – со значением сказал ангелочек.
- Не морочь девочке голову! – вступила в беседу между молодыми людьми матушка Николая. – Отведу-ка я домой свою «невестушку». Поди, родители ребёнка обыскались.
- Живут далеко? – спросил Николай.
- Через квартал. Они недавно переехали, – ответила матушка.
- Как зовут сбежавшую царевну?
- Нина, – девчужка смущённо опустила глазки.
- Прощайте, Нина!
- До свидания, Елисей!
- Я Николай, – парень улыбнулся.
- Для меня – Елисей.

После этого случая, встретившись на улице, они легонько кланялись друг другу и улыбались кончиками губ, храня тайну своей негласной «помолвки». Нина всегда помнила их разговор и надеялась, что когда-нибудь сказка сбудется. А Николай, даже женившись, в душе лелеял образ маленькой царевны.

***

Конечно, Нина не прислушалась к предупреждению городского и на другой день с утра пораньше отправилась на квартиру Афанасия – главного зачинщика студенческой демонстрации, чтобы рассказать о готовившемся отпоре жандармов. Она была у него уже несколько раз, слушала зажигательные речи о революционной борьбе мирового пролетариата за счастливую жизнь трудового народа и верила каждому слову молодого оратора. Видя царящую вокруг несправедливость и недовольство простых людей, она желала стать участницей будущих перемен, хотя жила в семье обеспеченной и ни в чём не нуждалась.

Афанасий был немало удивлён раннему визиту Нины, но в то же время польщён, что смог красивую и интересную девушку привлечь к делу всей своей жизни. Выслушав её, он криво усмехнулся:

– Спасибо за неравнодушие! Но мы знаем о готовности власти с нами воевать. Сегодняшнее выступление скорее проверка для наших товарищей – кто из них сможет пойти до конца.

– Простите. Помогаю, чем могу, – Нина смутилась, – я не навязываюсь.

– Вы не поняли, Нина! Вы с нами, и это замечательно! – молодой человек догадался, что неловкой усмешкой её обидел. – Хотите чаю?

– Благодарю! Я завтракала. Пойду к скверу, где назначен общий сбор, – чувствуя неловкость, Нина попыталась уйти.

– Не торопитесь! – Афанасию не хотелось отпускать курсистку от себя. Она такая милая, уютная, от неё всегда пахнет хорошими духами и тихим семейным счастьем. И чего ей не хватает? Может дружеского участия? Так он готов...

Помимо воли и, забыв о своём предназначении революционера, он положил руки на плечи утренней гостьи, посмотрел прямо в глаза и негромко, но очень нежно попросил:

– Останься...

– Нет! – Нина отшатнулась и тихонько повторила, – нет!

– Мы успеем. Не переживай!

– Я пришла просто предупредить, – заикаясь, проговорила девушка.

– Дурочка! В этом нет ничего плохого. Останься. Тебе понравится, – Афанасий обхватил её за талию.

– Я сказала – нет! – пытаясь высвободиться, громко и отчётливо повторила Нина.

– Потом пожалеешь...

– Никогда!

– Ну, иди, иди! – неожиданно грубо и с раздражением проговорил молодой революционер и отпустил юную соратницу по борьбе.

***

В городском сквере, куда подошла Нина, уже собралось немало молодёжи, возбуждённо обсуждающей запланированное мероприятие. Подавленное настроение, после утреннего визита к Афанасию, Нина попыталась скрыть от подруг и это у неё получилось. Она улыбалась, как многие вокруг, надеясь, что недоразумение, произошедшее между ней и студенческим лидером, рассосётся само по себе. О том, что власти в курсе сегодняшней демонстрации, она никому больше не сказала, не желая повторно выставить себя знающей больше других.

Но очень скоро смех и улыбки с лиц парней и девушек стали пропадать, поскольку сквер постепенно окружали жандармы, перекрывая выходы к улицам. Демонстранты осознали всю

серьёзность своего положения: их заперли в капкан. Нина постоянно оглядывалась вокруг, ища взглядом Афанасия, но его нигде не было... Ведь именно он должен был дать команду собравшимся, чтобы предотвратить неприятные эксцессы, а возможно кровопролитие.

«Неужели струсил или всех предал? – мелькнуло в голове у Нины. – Хороша проверка! Других под удар подставлять! А хотел меня оставить у себя... Странно!»

Потом жандармы, не торопясь, взяли студентов в плотное кольцо, и стали выхватывать из него кричавших: «Долой самодержавие» и «Свобода, равенство, братство!», а ещё тех, кто бросал в них камни. Здоровые дядьки, не стесняясь, пускали в ход кулаки и волочили тщедушных молодых людей за руки и за ноги.

Страха Нина не ощущала, но то, что происходило вокруг, ей очень не нравилось. Одно дело слушать страстные речи о борьбе за счастье народа и петь Марсельезу, но совсем другое стать непосредственной участницей этой борьбы.

И тут она заметила, что прямо на неё идёт мордатый жандарм. Он грубо схватил курсистку и потащил к группе задержанных студентов. Девушка не сопротивлялась, но стражник всё равно старался побольнее сдавить ей руку.

А после случилось неожиданное...

Её отпустили, и позади себя она услышала знакомый голос:

– Я сам с ней разберусь! Отведу в участок.

И Нина увидела Николая... Слегка приобняв, он вывел её из сквера, затем остановил проезжающую мимо пролётку и отвёз подальше от митингующих.

Они молча шли по красивому цветущему бульвару. Со стороны казалось: идёт влюблённая пара! Он – красавец городской, она – юная курсистка.

– Присядем, – сказал Николай, указав на ближайшую скамеечку.

И тут же прямо над ними раздалось знакомое карканье. Николай глянул на ворону и показал кулак.

– Вас из-за меня накажут? – спросила Нина, улыбнувшись жесту стража порядка.

– Ты и впрямь как царевна! Переживаешь за весь человеческий род.

– Разве это неправильно?

– Нормальные люди больше думают о себе.

– Уж так меня воспитали.

– Почему не послушалась? Зачем не осталась дома? Чего тебе ещё в этой жизни не хватает? – сыпал вопросами Николай. – Отец твой человек достойный. Врач. Ты девушка неглупая, любишь книги, музыку, хорошо рисуешь!

– Надо же! Вы всё обо мне знаете...

– По статусу положено.

– Нельзя думать только о себе, – уже без всякого энтузиазма попыталась оправдаться

Нина.

– Тогда учи грамоте тех же рабочих или их детей. Делай что-то стоящее!

– Я подумаю.

– Подумай! Мой братишка тоже повёлся на речи ваших говорунов, но получив пару раз нагайкой, отправился к тётке в деревню хлеб растить.

– Вот женились бы на мне, я бы дома сидела и о революции не думала.

– Ох, Нина! Смотрю, ты из огня да в полымя!

– Это была шутка, – грустно прошептала она.

– Иди домой! Если тебя твои друзья не сдадут, то всё обойдётся.

– Спасибо, Елисей! Только... Жизнь может измениться, – Нина улыбнулась, намекнув на их первую встречу и волнения в народе.

– Что дальше – нам не ведомо, – тяжело вздохнув, Николай проводил взглядом уходящую девушку и вдруг почувствовал прилетевший сверху тяжёлый шлепок на начищенном до блеска сапоге. – Вот, поганка! Нахезала всё-таки! – сказал почему-то с удивлением.

Красавец городской вытащил из кобуры револьвер, не целясь, выстрелил в поганку и... Не попал.

– Ладно! Живи пока, – усмехнулся, носовым платком обтёр с сапога вороний помёт и пошёл дальше служить царю и отечеству.

...Скоро началась война с немцами, потом случилась революция, за ней октябрьский переворот и ещё одна страшная война, когда убивали не чужого, а свой своего. За что и зачем – понимали единицы, остальные просто шли за вождями, выполняя приказы от страха или безысходности, теряя кров и родных.

***

Они встретились в Париже...

Кого только не было в богемном квартале Монпарнас: художники, поэты, музыканты, просто студенты, русские эмигранты и буржуа. Здесь жили те, кто творил и продавал своё творчество, а также те, кто его покупал. Здесь становились знаменитыми и погибали от непризнания, а ещё в этом месте можно было снять жильё на любой кошелёк.

Интересный высокий сорокалетний мужчина иногда прогуливался по бульвару, рассматривая выставленные картины и рисунки известных и пока неизвестных художников. Ему нравилась душевная лёгкость, царившая вокруг, он отдыхал от пережитых страхов и волнений, подспудно надеясь на встречу с той, которую любил, но долгое время не признавался в этом ни себе, ни ей. Скользя мимолётным, но очень внимательным взглядом по полотнам с яркими пейзажами и портретами, он явно что-то выискивал. И однажды, будто пригвождённый, остановился у одного скромного рисунка, сделанного простым карандашом на листе бумаги, вырванном из альбома.

– Я знал, что найду тебя! – сказал он непонятно кому.

На рисунке была изображена убитая ворона, а рядом с ней лежал камень.

– Ну, вот и всё. Долеталась, – опять вслух произнёс мужчина и в его голосе прозвучали грустные нотки. Он стал оглядываться вокруг, пытаясь найти продавца рисунка, и когда увидел, то спросил имя художника.

– Это мадемуазель Нина. Она по выходным частенько бывает в кофейне, что напротив, – ответил торговец.

В ближайший выходной день симпатичный мужчина, сидя за столиком указанной кофейни, с нетерпением ожидал автора фатального рисунка.

Нину – немного повзрослевшую, но по-прежнему красивую, скромно одетую, с модной стрижкой вместо прежних локонов – узнал сразу, и пока она шла, любовался ею со стороны.

– День добрый, мадемуазель! Прощу? – он привстал и пригласил её присесть за свой столик.

– Николай Петрович? Как вы меня нашли? – от неожиданности она приложила руку к груди.

– Старая знакомая подсказала. Сурово вы с ней обошлись, – неожиданно для себя он стал говорить Нине «вы».

– Она для меня всё плохое, что осталось там.

– Символично.

– Как ваша семья? – Нина пыталась скрыть волнение и радость от встречи с дорогим её сердцу человеком.

– Жена, проводив меня на войну с германцем, стала жить сначала с бакалейщиком, после с комиссаром, а сын умер от тифа.

– Се ля ви! Мальчика жалко... В Париже давно?

– Три месяца, – он помолчал и, не дожидаясь новых вопросов, стал рассказывать о себе. – После ранения долго мыкался, не зная, куда приткнуться. Одна война закончилась, началась другая. Красные, узнав о моём прошлом, чуть не убили, успел сбежать вовремя. Примкнул к белым, но родину всё равно потерял. И последним пароходом добрался до Константинополя, а уж после сюда...

– История нередкая и маршрут для всех русских известный, – Нина вздохнула. – Хорошо, что я тогда вас послушалась и перестала встречаться со своими друзьями – революционерами. Правда, это оказалось непросто.

– Угрожали?

– Проходу не давали, записали в предательницы. Боялась, что убьют. Батюшка помог – положил в больницу. А тут война началась и многих из них забрали на фронт.

– Как он? – Николай всегда уважительно относился к отцу Нины.

– Тоже ушёл на войну и погиб. В госпиталь попал снаряд. Он в это время оперировал. Мы с мамой остались одни. Из России решили уехать. По дороге матушку ограбили и убили.

– Горе какое! Как же это?

– На одной из остановок я вышла прогуляться, а когда вернулась, она была мертва. Похоронила на кладбище рядом со станцией, дальше поехала одна. Так осталась без родных и без денег.

– И?

– Не переживайте! Проституткой не стала. Рисую, и мои картинки покупают. Подрабатываю натурщицей, мою посуду в кафе, а ещё учусь на сестру милосердия. У меня осталась одна папина книга по медицине, как-то её открыла и зачиталась...

– Я всегда знал, что ты умница.

– Ну, вот! Вы уже ко мне стали привыкать, – Нина улыбнулась, намекнув на дружеское обращение Николая.

– Хочется взаимности!

- Елисей! Я давно проснулась...
- Прости, что заставил тебя так долго ждать!
- Наконец-то моё «ау» отозвалось эхом.
- Нам будет непросто, – грустно усмехнувшись, сказал Николай.
- Ничего. Мы справимся, – ответила Нина.

06.12.2017г.

Серёжки с камушками

В окне мелькнула знакомая фигурка мальчугана: «Пришёл-таки! – усмехнулась Ульяна, – а я уж решила, что ты нынче сытенький».

Она взяла один из только что испечённых хлебов, положила небольшой кругляк свежего масла в капустный лист и потихоньку, чтобы не разбудить мужа, понесла это богатство маленькому соседу, который, стоя под дверью, ожидал гостинец доброй тётеньки. Знал: самый первый хлебец она пекла для него. И даже знал почему...

Ему не раз доводилось слышать свару родителей: вроде любовь была у отца с тёткой Ульяной... Давно ещё! Только выбрала она в мужья другого – зажиточного и степенного. И мальчик был этим очень огорчён! Ну почему его мать не тётка Ульяна, у которой Алёнка с Филиппом всегда сыты и одеваются в новое. А его семья – голь перекатная! Батька – пьяница – всё заработанное пропивает, а матка, надорвавшись однажды, постоянно болеет, делать ничего не делает, только лежит на печке, да охает. Вот и приходится ему побираться по соседям. У кого есть чего подать, те не жадничают и делятся, а у кого подать нечего, то даже двери не открывают. Потому он всё и обо всех в их Прилесье знает: кто не бедствует, а кто доедает последнее, с нетерпением ожидая тепла и нового урожая.

Никитка попрошайничать не стеснялся, хотя ощущал себя уже вполне взрослым. Всю работу по дому делал сам: за матерью ухаживал, хворост из леса на собственном «горбу» таскал, крышу латал, огород копал, а в свободную минутку обязательно брался за книжку, которую учитель всем ребятам давал читать по очереди. Называлась книжка «История государства Российского для детей» Н.М.Карамзина. Когда Никитка её читал, то забывал обо всём на свете и даже пьяное отцовское бормотанье ему не досаждало. А после чтения начинал мечтать о хорошей сытой жизни, о том, как умно и красиво он будет говорить о ней людям, и с каким вниманием его будут слушать окружающие, кивая в знак согласия головой. А самая внимательная слушательница, конечно, будет Алёна.

«И почему так бывает, – неся домой хлебец, думал Никитка, – отец любил тётку Ульяну, а я люблю Алёнку. Видимо, в нашем роду такая любовь на веки вечные прописана. А Филиппка жадный и злой! Но ничего... Придёт время на Алёнке женюсь, а этого на порог не пущу». И в том, что у него когда-то будет добротный порог в собственном красивом доме, даже не сомневался.

Одарив соседского мальчонку хлебом и закончив хозяйничать у печи, Ульяна пошла будить мужа.

– Опять своего пьянчужку подкармливала? – заворчал он.

– Не его! Никитку жалко. Вся семья на мальчишке держится! Такой паренёк работающий.

В кого только?

– Может в тебя? – хихикнул муж, игриво шлёпнув жену ниже спины.

– Тимоша, ты чего? Вовсе с ума сошёл?

– Да смеюсь я, смеюсь!

– То-то же. Вставай уже! Весна на дворе, поле заждалось.

– Сам знаю! Филиппа тоже буди, хватит ему в постели нежиться. Пора к крестьянскому труду приучаться.

– А как же школа? Ему учиться надо. Или тебе работников мало?
– Пусть Алёнка учится, а вечером всё ему пересказывает. Она девочка толковая, хотя и на два года младше. А этот, который год в школу ходит и еле-еле по складам читает!

Дальше спорить с мужем Ульяна не стала, понимала – прав супруг, не лежала душа у Филиппа к учёбе. Вот на гармошке играть, плясать на деревенских вечерках и с взрослыми деваками по деревне шастать – это он с радостью!

***

Большая война и революция Прилесье обошли стороной. Не вернулись только несколько мужиков с Германской, а в Гражданскую заходили в деревню поочерёдно то белые, то красные, брали лошадей и уходили. Каждая семья жила сама по себе, продолжая сеять хлеб и растить детей. Но когда в стране страсти малость угомонились, то и в Прилесье начались перемены...

Мать Никиты умерла, а сам он выучился в городе на агронома. И уже взрослым парнем принял и оценил возможность активно включиться в новую жизнь, исполняя любые поставленные властью задачи по первому зову и требованию. Районный партийный комитет командировал молодого специалиста организовать сельский кооператив туда, где он родился. Вернувшись домой, Никита был удивлён неожиданным изменениям, случившимся в его отсутствие. Его отец стал самым важным человеком в деревне. Именно за свою бедность был выбран председателем сельского совета.

В семье тётки Ульяны достаток значительно убавился, наёмных работников пришлось уволить, но Тимофей Степаныч был мужик крепкий и работал за троих. Филипп оказался плохим помощником, захотел свободной жизни, уехал в город, где удачно пристроился в один из клубов директором, в обязанность которого входило поднимать самосознание населения и агитировать за новое светлое будущее, рассказывая о борьбе мирового пролетариата и оживляя скучные лекции революционными песнями и плясками.

Но перемены в семействе Ульяны Никиту интересовали мало, его интересовала только Алёна, которую он пока ещё не видел. Открыто зайти к ней в дом робел, а потому надеялся на встречу с девушкой вечером, когда услышав гармонию, деревенская молодёжь высыпала на улицу. Исходив в первые дни приезда деревню вдоль и поперёк, он Алёну не встретил. И тогда всё-таки решился пойти к ней под очень серьёзным предлогом.

– Никитушка, здравствуй, дорогой! – обрадованно встретила парня тётка Ульяна, – возмужал-то как! Присядь, – и она показала ему на скамеечку у порога.

– Здравствуйте всем! – увидев Алёну, Никита улыбнулся.

– Ты к нам по делу или так зашёл?

– И по делу, и так...

– Случайно нашего Филиппа в городе не встречал?

– Видел раз, – Никите не хотелось говорить о брате Алёны, потому сказал коротко, – поёт и пляшет в удовольствии.

– Что же это за напасть такая! – вступил в разговор Тимофей Степаныч, – здоровый, крепкий парень! Да на нём пахать можно, а он всё наплясывает. Видать в тещу мою уродился, – хозяйин с хозяйкой рассмеялись, да и дочка, вспомнив свою весёлую бабушку, не удержалась и прыснула в кулачок.

– Я вот зачем пришёл, – сменил тему гость, – завтра собрание будет. Насчёт ТОЗов.

- Чего, чего? – переспросил глава семейства.
- ТОЗ – это товарищество по совместной обработке земли. Земля теперь будет общая. Зато скот и инвентарь в вашей личной собственности. Приходите на собрание, там всё подробно расскажу.
- Дожили! Землю у крестьянина отбирают, – откровенно расстроился Тимофей Степаных, – разберись теперь: кто её хозяин, а кто рядом бежит.
- Да никто вашу землю не отбирает. Будете работать, как работали, – успокоил Никита.
- А урожай тоже общий будет?
- На собрание всё и узнаете.
- Придём! Куда деваться, – Тимофей Степаных закрутил окончательно.
- Алёна, выйди на минутку, – попросил Никита и попрощался с родителями девушки.

На улице он с нетерпением ожидал любимую и, когда она сошла с крылечка, не сдержался и сразу обнял. Алёна не отстранилась, но грустно сказала:

- Отец против нас.
- Почему? Раньше я был нищий, теперь, почитай, самый главный в деревне!
- Лучше бы ты и сейчас был нищий.
- Алёна! Не слушай никого. Выходи за меня. Я не дам вашу семью в обиду.
- Будет что-то плохое?
- Мало ли! Жизнь меняется...
- Тогда давай уедем.
- Пока не могу.
- Почему?
- Я партийный. Делаю, что прикажут.
- Получается, что тот же крепостной.
- Молчи. Зря учитель нам Карамзина давал читать. И Пушкина тоже зря...
- Отчего же?
- Больно много понимаем.
- Арестовали жандармы нашего учителя и выслали! Тогда ещё.
- Помню. О свободе много говорил, за это и выслали.
- И против царя нас настраивал. Чего ему не хватало! – пожала плечами Алёна.
- Зато теперь мы не рабы.
- Оно и видно... Мне пора! Отец от окошка не отходит.
- Не любит он меня.
- Не любит.
- Всё равно моей будешь! Я добьюсь.
- Добейся! Я непротив.

***

Но осенью отец Алёны сменил гнев на милость...

Отдав, скрепя сердцем, землю в общественное пользование, а ещё предоставив собственный сельскохозяйственный инвентарь и трёх лошадей для работы на полях товарищества, он получил самый большой доход в Прилесье

– Вот видишь, дядька Тимофей, – говорил ему Никита, – вы с тёткой Ульяной ничего не потеряли. Потому что советская власть справедливая к тем, кто честно работает.

– Я и при старой был не внакладе! А при новой пашу не меньше, чем другие, – с укором ответил Тимофей Степаныч.

- Так это всё учли при распределении урожая.
- Не пил бы твой батька, и твоя бы семья жила в достатке.
- Может он от того и пил, что самой захудалой лошаде́нки в хозяйстве не имел.
- Не заступайся! Его даже большая должность не исправила.
- То так! В районе грозились: уберут отца с председателей.
- И правильно, что уберут. Но давай о тебе поговорим...
- Обо мне? – напрягся Никита.
- Ну да. Или передумал свататься?
- Не передумал.
- Тогда бери Алёну. Женись уже!

Вскоре молодой агроном и дочь передовика производства сыграли свадьбу, а через год у них родился сын. На родине отец подарил дочери золотые серёжки с красными камушками, а за внучку обещал одарить колечком.

Что касается работы, то и здесь агроном превзошёл все ожидания Тимофея Степаныча. Пьяницу председателя с должности сместили, а вместо него назначили Никиту. Сбылись у парня детские мечты! Теперь он публично выражал словами свои представления о прекрасном будущем, в которое искренне верил и «жёт» речами слушателей так, что вскоре его хозяйство стало первым по количеству членов, вступивших в ТОЗ. Более того! В Прилесье не осталось ни одной семьи, работающей только на себя, ведь о каждом дворе Никита знал с детства. Знал, кому действительно нечем поделиться с коллективом, а кто мог нажитое припрятать подальше. Такая победа молодого председателя не осталась незамеченной, и через пару лет он был переведён на партийную работу в город.

– Филипп уехал, теперь ты дочку увозишь, – провожая молодую семью, чуть не плакал дядька Тимофей.

- Может и вы с нами, – предложил тестю Никита. – Нам с Алёной спокойней будет.
- А кто же вас кормить будет? Сыну каждый месяц продукты в город посылаем!
- У меня теперь жалованье хорошее. Обошлись бы без ваших посылок. Алёна переживает, как вы тут одни останетесь. Ведь, ежели чего, заступиться будет некому.
- А чего за меня заступаться? Как работал, так и буду работать.
- Так-то оно так. Только беднота опять на дыбы поднялась, – Никита понизил голос.
- Беднота всегда была завистливая. Опять революцию хотят?
- Тимофей Степаныч, бунты вокруг начались. Люди возмущаются.
- Чем же недовольны?
- Говорят, раньше еле-еле доживали до нового урожая и теперь тоже.
- Всем хорошо никогда не бывает.
- Хорошо будет, но не скоро.
- А сейчас что?
- Слухи ходят – будут раскулачивать.
- Так у меня и нет уже ничего! Землю давно отобрали, инвентарь с лошадьми я обществу по первой нужде доставляю. Какой же я кулак?
- Согласен! Не кулак ты, Тимофей Степаныч. Хорошо бы, чтобы это остальные понимали.

Но предположения Никиты были небезосновательны.

***

Шло время...

Алёна опять была беременна. Она с мужем и сыном жили в городе. Но жизнь менялась не только в их семье...

Никита работал партийным организатором в районном комитете и часто разъезжал по деревням, доводя до сведения населения очередные нововведения власти, используя свои ораторские способности и умение убеждать.

Как-то на утренней планёрке секретарь райкома зачитал распоряжение, пришедшее «сверху», в котором значилось, что для снижения недовольства бедняков необходимо провести раскулачивание. В число хозяйств, которые подвергались данной процедуре, попало и Прилесье.

Никита решил предупредить об этом тестя, но сам поехать к нему не смог, а потому в обеденный перерыв помчался в клуб к Филиппу.

– В нашу деревню должны подъехать уполномоченные ОГПУ, – без предисловий начал разговор Никита.

– Зачем? – равнодушно спросил шурин.

– Твоего батьку и матку раскулачивать будут.

– Чем я могу помочь?

– Поезжай прямо сейчас и предупреди. А лучше привези их сюда.

– А сам чего?

– У меня завтра пленум. Я должен обязательно присутствовать.

– Пусть Алёнка съездит.

– Алёна беременная.

– Подумаешь, цаца! Давно ли в господа выбилась.

– Так едешь или нет? Твоих родителей сослать могут! А то и хуже...

– Везде люди живут.

– Ну, ты и скот! – Никита хлопнул дверью и помчался домой.

Алёна, уложив ребёнка, дожидалась мужа. Обычно он спокойно открывал дверь, подходил к ней и обнимал, целуя. Потом они ужинали, она рассказывала ему о сыне, как прошёл день, что удалось приобрести из продуктов или хвасталась обновкой.

Но в это вечер Никита, вбежав в комнату, уселся за стол, обхватил голову руками и стал мотать ею из стороны в сторону.

– Ты чего, Никитушка? Заболел? – с удивлением спросила жена.

– Филька – сволочь!

– Что случилось? – Алёна знала, что муж не любил её брата, но поскольку они с ним не общались, то разговора о Филиппе никогда не было. И вдруг...

– Беда! Что же делать? – Никита продолжал сидеть в той же позе.

– Да говори уже, – Алёна стала злиться.

– Твоих родителей могут раскулачить...

– Ничего не понимаю. И что с ними будет?
– Всё нажитое отберут и отдадут бедным, а самих сошлют.
– Как же это можно! Отец всегда много работал и даже больше, чем другие бедные.
– Знаю! Предупредить их надо. Только сам не могу, завтра должен быть на работе.
– Я поеду. У нашего дворника есть лошадь и сани.
– С ума сошла! Сиди дома! Может, сумею вырваться.
– Всё равно поеду! Сына на соседку оставляю и поеду. Если не получится их сюда привезти, так хотя бы по-человечески попрощаюсь.

– Ладно! Тогда с утра пораньше и поезжай. Я поговорю сейчас с дворником, с тобой поедет, – Никита знал, если жена чего решила, то не отступит, так уж лучше он напутствием поможет. – Передай отцу с матерью, чтобы не брали с собой хорошие вещи. Всё равно огепеушники отберут. Пусть одеваются в старое, но тёплое. Зима на дворе! – он задумался, а после продолжил уже спокойно и по-деловому, – скажешь, чтобы хлеб и сало с собой брали. Побольше! А я завтра попробую кое с кем поговорить. Может, отобьёмся...

– Это возможно?

– Не знаю. Есть Постановление, по которому агроном может поручиться за родственника кулака.

– Но ты же теперь не агроном и живёшь далеко.

– В том-то и дело. Но в деревне остался отец. Он должен помочь, как бывший председатель. Зайди к нему!

– Хорошо! Зайду обязательно.

***

Алёна приехала в Прилесье только к вечеру. У ворот родного дома стояли две чужие подводы, а у дома свёкра она увидела лошадь и сани отца. Сердце подсказало: в родителям идти не следует. Дворник, который её привёз в деревню, отправился к знакомым, жившим здесь же, а она пошла в дом Никиты.

Её встретила мать, чему Алёна даже не удивилась. Ни отца, ни свёкра рядом не было.

– Алёна, ты зачем сюда явилась? Поворачивай назад, – Ульяна стала выпихивать дочь за дверь.

– Мама, я за вами, – Алёна растерялась.

– Уезжать тебе нужно, дочка! Тут такое! – Ульяна заплакала.

– Где отец и Григорий Силыч? – Алёне стало страшно.

– Тимофей и этот пьянчужка в нашем доме с милицией разговаривают. Сдал твой свёкор нас всех подчистую! И тебя, и Никитку тоже. Всё елозил перед милиционерами, да кричал, что вы сообщники кулаков и против новой власти постоянно речи вели.

– Зачем же он на сына родного напраслину возводил. Никита никогда слова плохого о власти не говорил.

– Гришка всю жизнь нашей семье завидовал. Мне вот сегодня сказал, что наконец-то смог отомстить! Теперь женится на молодой, и будет жить в нашем доме. А нас отправят в чужие края.

– Никита говорил, что в Сибирь могут сослать.

– Сгинем мы там, дочка! Ох, сгинем...

– Мама, не горюй пока! Никита обещал помочь.

– Опоздал твой Никита, как бы самого не забрали!

– А что с вещами и скотиной?

– Все вещи и скотину раздали деревенским беднякам, посуду растащили, даже пинетки, которые я вязала для твоего будущего малыша, отобрали. А пшеницу и картошку погрузили в обоз и отправили в город.

– Мама, Никита советовал, чтобы больше хлеба и сала взяли в дорогу.

– Вон у порога мешок стоит! Это всё, что нам разрешили взять с собой. Да ещё одежду.

– Господи! За что с вами так? Всю жизнь работали не покладая рук, ни с кем не ругались, бедных одаривали, и теперь...

– Уезжай, дочка! Уезжай скорей пока Гришка сюда не явился!

– Мама, ночь на дворе, страшно. Я переночую, а утром уеду.

И только успела Алёна проговорить эти слова, как дверь открылась, и на пороге появились свёкор и милиционер.

– Вот и птичка в гнёздышко вернулась, – с порога радостно воскликнул Григорий Силыч, увидев Алёну в своём доме. – Это дочка кулака Тимофея, – стал он объяснять милиционеру, – видать, батьке на выручку прилетела.

– Так она тяжёлая! Неужто не жалко, – милиционер кивнул на живот Алёны.

– Чего мне её жалеть? – Григорий был удивлён этими словами представителя власти, – свидетельствуй присутствие! А то знаешь...

Ульяна не выдержала и набросилась на свата с кулаками.

– За что ты нас ненавидишь? Я всю жизнь потихоньку от мужа твоей семье помогала!

– Обошлись бы без твоих подачек! Всё Никитку как щеночка с руки прикармливала, а каково мне это было видеть, не думала?

– Дурак. Я же жалеючи.

– Теперь будешь своего Тимоху в чужой стороне жалеть и миловать.

– Вот оно что?! Всё забыть не можешь...

– Да забыл уже давно. Не нужна ты мне!

– И, слава богу! А сына с невесткой пожалей, – прошептала Ульяна.

– Всех жалеть – никакой жалелки не хватит, – продолжал изгаляться бывший ухажёр.

– Не будет тебе счастья в чужом доме, – Ульяна от безнадёги махнула рукой и повторила, – не будет.

– Не каркай! А то пойдёшь на улицу ночевать.

– Мам, не ругайся с ним. Горбатого могила исправит, – вступилась за мать Алёна.

А утром из Прилесья к станции отправились подводы с раскулаченными, милиционерами и представителем из ОГПУ. У Алёны сбежать из деревни не получилось, только удалось передать дворнику, чтобы как можно быстрее уезжал в город, и потихоньку сунула ему записку для Никиты.

Никита записку прочитал и охнул... Жена писала:

«Дорогой Никитушка! Не могу я бросить своих родителей, да и отец твой вцепился в меня как злой и жадный пёс, держит на привязи и не отпускает. Мой тебе совет: не пытайся нас спасти, ничего не предпринимай. Узнают, что ты родственник кулаков, тоже арестуют, а сына отберут и отправят в приют. Мне об этом сказал милиционер. И среди них есть добрые люди. Принёс мне из нашего дома старый полушубок и ещё один платок, а остальные вещи растащили. Мне уже ничего не жалко, только бы выжить в дороге. Рассказывают, будто

в Сибири люди хорошо живут, но те, кто работают. А работать наша семья умеет, и ты о том знаешь. Так что за нас не думай и не плачь. Береги сына! Если разрешат, то буду тебе писать, а если нет, то не огорчайся. Прощай, мой любимый Никитушка! Целую тебя много раз. Поцелуй и ты за меня нашего Антошу!»

***

Только через день Никита смог уйти с работы и сразу помчался в деревню. Он удивился царившему там покою: заснеженные дома, огороды, редкий собачий лай, да рёв животных и будто не было накануне милиции, прощального плача и стона. Никто бывшего агронома и председателя в родной деревне не встретил.

«Не то спят, не то вымерли, – усмехнулся он, – а может уже во „враги“ записали...»

Отметил, что дом Тимофея Степаныча закрыт на большой замок, а дверь его родительского дома приоткрыта. Чтобы её закрыть за собой, Никите пришлось ногой убрать сугроб, заваливший вход.

Отца он увидел сразу. Тот сидел за столом в обнимку с бутылкой самогона. «Замёрз, что ли?», – подумал Никита и дотронулся до его щуплого плеча. Тело вместе с бутылкой повалилось на пол. Он поднял Григория и отнёс на кровать. Сначала решил, что тот спит, но взглядевшись в синюшное лицо, догадался – отец мёртв.

И вдруг осознал, что ни жалости, ни скорби по отношению к родному человеку не ощущает. На знакомой кровати лежал совершенно чужой спившийся мужик. Какое-то время Никита тупо и отрешённо смотрел на труп. Потом сообразил: никому этот человек ни живой, ни мёртвый здесь не нужен, никто и никогда о нём не позаботится. Нужно было что-то делать...

Вспомнил: в их деревне есть старушки, которые за небольшие деньги готовят усопших к погребению. И тут его взгляд упал на отцовские руки, зажатые в кулаки. Решил разжать, пока не окостенели, и сложить по обычаю. А когда разжал – обмер! В каждой руке было по золотой серёжке с красным камушком...

***

Прошли годы...

Минула ещё одна страшная война. Те, кто выжил, опять стали пахать землю, строить города, рожать детей и даже летать в космос.

Никита Григорьевич, давно уволенный с партийной должности и исключённый из рядов партии, проработал до самой пенсии в том же городе на заводе токарем. Учитывая его военные и трудовые заслуги, руководство предприятия наградило старейшего рабочего бесплатной путёвкой, которую он выбрал сам – отдыху в санатории предпочёл путешествие на теплоходе.

Теплоход ему очень понравился. Большой, белый, красивый – сказка, скользящая по такой же большой и красивой реке.

Никита вставал рано, поднимался на верхнюю палубу и, встречая восход солнца, обозревал в туманной дымке проплывающие мимо берега.

«До чего необыкновенно вокруг! Меняется жизнь, а неизбывная только красота, – думал он, – и как жаль, что я один её вижу. Нет рядом моей Алёнушки и нет Антоши... Сгинули оба! Жёну я так и не нашёл, а сын погиб под Прагой совсем мальчишкой. Почему я жив, а они нет? И за что мне это счастье или несчастье?» – и, вспоминая родных, он дотрагивался до верхнего кармана пиджака, что-то там нащупывая.

Вот и сегодня Никита также поднялся на палубу и уже не в первый раз обратил внимание на молоденькую девушку, которая, никого не стесняясь, занималась гимнастикой. На неё было приятно смотреть, и он залюбовался изящными движениями юной спортсменки. В какой-то момент один из первых лучей солнца упал на её левую руку, красиво взметнувшуюся вверх, и на безымянном пальчике блеснул ярко-красный всполох! Это длилось одно мгновение, но внутри Никиты что-то ёкнуло с такой силой, что он присел на ближайшую лавочку и схватился за сердце.

- Вам плохо? – девушка подошла к Никите.
- Нет. Мне хорошо.
- Может быть водички? Я могу принести.
- Спасибо. Не нужно. Лучше посидите со мной, если не торопитесь.
- Здесь торопиться некуда, – девушка засмеялась. – Кормят замечательно, приходится форму поддерживать.
- Вы спортсменка? – спросил Никита, искоса поглядывая на её пальчик.
- Нет! Я занимаюсь танцами.
- Вот оно что, – немного разочарованно проговорил он.
- Не любите народное творчество? – девушка улыбнулась.
- Не очень.
- Почему?
- Неприятные воспоминания.
- Бывает!
- Простите! – Никита решил не отступать и сразу выяснить то, что не отпускало душу. – Кольцо у вас старинное... Такого сейчас не купишь.
- Кольцо бабушкино. По наследству досталось.
- А как звали вашу бабушку, – спросил настороженно.
- Какой вы любопытный! – девушка опять улыбнулась и спокойно ответила, – бабушку звали Алёна.

Именно этого ответа ждал он и даже был уверен, что именно это имя сейчас произнесут, но услышав «Алёна», онемел.

- Я всё-таки принесу вам водички, – озабоченно сказала девушка.
- Не уходи, пожалуйста! Я больше не хочу терять любимых...

Теперь онемела девушка. С ней заговорили фамильярно, но грубости в словах собеседника не было. Наоборот! Она почувствовала, что говорит с человеком, которого давно знает и любит.

– Вот! Смотри, что у меня есть, – и мужчина вынул из верхнего кармана пиджака золотые серёжки с точно такими же камушками, как в её колечке. – Это мой амулет и он всегда при мне.

– Ничего себе! – ахнула девушка.

– Они твои.

– Почему?

– Мы с тобой об этом обязательно поговорим. А пока назови своё имя.

– Ульяна.

– Охх...

Так встретились через года дед и внучка, которые не могли не встретиться. Иначе, зачем вся эта жизнь? Иначе всё происходящее на земле просто бессмысленно...

16.03.2017г.

Подстилка

Немца Кира увидела сразу. На природе обо всём на свете позабыла и вдруг... Он!

А в лесу хорошо! Тихо, спокойно, благолепно. Скоро осень. Грибы пошли, а это большое подспорье в её сиротской жизни. Живёт с бабушкой: отец погиб в начале войны, а мама пропала. Также вот ушла за пропитанием и не вернулась. Может под бомбу угодила, а может, застрелили...

Грибов в конце лета народилось много. Пока погода радовала, бабушка успела их засушить и груздей ведёрко засолила, так что не пропадут, доживут до прихода наших. Фашистов гонит Красная Армия хорошо, в деревне немцев почти не бывает. Иногда заедут на своих мотоциклетах к старосте, поживятся курятиной и уезжают.

Интересно, откуда этот-то взялся? Она почти до дома дошла: осталось только дорогу перейти и речку вброд. И тут... Идёт! Один. Спокойно шагает, никого не боится. До зазнобы приспичило или так... Гуляет, солнышку радуется. Тоже ведь человек. А может товарищи рядом и Кира их просто не видит. Она огляделась. Нет, вдвоём они.

– Оо! Pilze! Das ist gut², – немец тоже заметил девушку и радостно расправил объятия...

Кира бросилась через дорогу к речке. Солдат за ней! Молодой, здоровый: от такого не убежать.

– Стоять! Я иди Дуня, – так он пытался объяснить, что незнакомку не обидит.

«Ах, Дуня!» – успокоилась Кира. Слышала она об этой Дуне, что та с немцами водилась. Ладно, пускай! Лишь бы её не трогал.

Девушка остановилась. Впереди речка. Если перейти в нужном месте, то воды чуть выше колен. Но немного в бок, на той стороне у обрыва – глубина и омут. Деревенские о том знают, но знает ли немец?

Кира на секунду задумалась: «Предупредить или чёрт с ним?»
Только попутчика она явно недооценила...

– Эй, komm her³, – немец, догнав Киру, снял с себя брезентовую сумку на ремне и перекинул её через плечо девушки, а затем показал жестами, чтобы она перенесла его через речку.

Кира обомлела!

– Du bist gross, ich bin klein⁴, – воскликнула она тут же, вспомнив уроки немецкого.

– Пуф, пуф, – немец направил на неё винтовку.

– Вот, гад, – она чуть не заплакала, – мне же не донести тебя! А как же грибы?

---

² – Грибы! Это хорошо.

³ – иди сюда.

⁴ – ты большой, я маленькая.

Кира поставила корзинку у самой воды на берегу, решив, что вернётся за ней обязательно.

– Давай, давай! – заорал немец, развернув девчонку лицом к речке, и обхватил её своими ручищами вокруг шеи.

– Ладно, будь что будет, – проворчала Кира. – Тяжёлый, чёрт! – и, подхватив ноги солдата под коленками, от натуги крикнула, как это делают, поднимая тяжести, взрослые мужчины.

– Нооо! – захохотал наездник, – пшла, матка, пшла!

– Какая я тебе матка, дурак! Да я в два раза моложе твоей Дуни, – опять заворчала она и осторожно ступила в воду.

Пару шагов сделала уверенно. Речка неширокая, но быстрая и брод опасный: «Не оступиться бы, – мелькнула мысль, – ведь за собой утащит, ежели чего. Горло обхватил так, что дышать тяжело, урод проклятый!»

А немец откровенно ловил кайф, гарцуя верхом на молоденькой девушке.

– Фото, фото, – хохоча, орал он невидимым сослуживцам, не понимая, что смертушка совсем рядом и ждёт, не дождётся, когда его «лошадка» потеряет равновесие и рухнет в сторону омута.

Это случилось в одно мгновение... Спокойно дойдя до середины речки, Кира неожиданно споткнулась и, не удержав тяжёлую поклажу, бухнулась в воду. Немец, вместо того, чтобы сразу вскочить на ноги и выбираться на берег, продолжал хохотать, радуясь неожиданному приключению и попятившись на глубину, не заметил, как его постепенно затягивает в омут. А когда осознал страшное, было поздно! Поток закрутил и утащил его на дно.

Кира ужаснулась. Был человек, и исчез! Слышала от деревенских о подобных случаях, но видеть такое воочию... Жутко! Немец, не немец – картинка неприятная. На душе от пережитого сделалось муторно. Слава богу, сама жива осталась!

Вспомнила о корзинке. Возвращаться не хотелось, но подумала о бабушке. Та обязательно о ней спросит и заподозрит неладное, а рассказывать о случившемся, ни бабушке, ни подруге Ленке, никому другому она не станет. Немца будут искать, потому лучше молчать...

С опаской глядя в сторону омута, вернулась за грибами, потом опять перешла речку и только тут вспомнила о сумке, которая стала оттягивать плечо. Остановилась, расстегнула пряжку и с интересом взялась рассматривать содержимое. Чужие письма, пачка галет, банка консервов, бутылка шнапса и маленькое зеркальце, на крышечке которого была приклеена фотография очаровательной красотки, наверное, какой-то артистки.

Зеркальце Кира оставила себе, а сумку со всем содержимым бросила с обрыва в омут: обойдётся она без немецких консервов и чужие письма на чужом языке ей не нужны. Вот одно отцовское, что успело прийти в самом начале войны, она бережёт и регулярно перечитывает...

– Как ты долго! – с порога накинулась на неё бабушка.

– Полупустую корзину приносить не хотелось! Вот набрала с верхом и вернулась, – стала оправдываться внучка.

- Садись ужинать. Я картошечки свежей подкопала и сварила. Вкусная!
- Подожди, дай посижу немного.
- Какая-то ты нынче не в себе. Или случилось чего?
- Ничего не случилось.
- Ну и, слава богу!
- Ба, а ты знаешь про Дуню?
- Про Дуню?
- Ну... Что к ней немец ходит.
- Не наше это дело. А почему спрашиваешь?
- Ленка её подстилкой называет.
- Каждый пусть за себя отвечает, – ответила бабушка.

О гибели немца Кира молчала, но была удивлена, что его никто не искал. Потому решила: видимо солдат ушёл из своей части к Дуне потихоньку, не доложив о том ни друзьям, ни командиру. Кира перекрестилась и постаралась забыть этот страшный случай. А зеркальце припрятала подальше...

***

Вскоре пришли наши, их район освободили, и началась мирная жизнь, не менее беспокойная, чем при немцах. В деревню наведлся офицер НКВД и стал подробно расспрашивать одного соседа о другом: кто сотрудничал с немцами, кто восхвалял жизнь под ними и ругал советскую власть. А после, этот офицер вместе с одноруким дядей Митей – милиционером, увез Дуню и старосту в город. На этом вроде всё утихомирилось: колхоз восстановили, люди по-прежнему трудились на полях, ожидая скорого окончания войны.

Кира работала вместе со всеми и ждала Толика. Когда немцев выгнали, она получила от него сразу несколько писем. В каждом он писал о своей любви, что мечтает между боями только о ней, помнит каждое свидание и женится сразу по возвращению. Кира обрадовалась письмам Толика и тут же ответила, описав нежными словами свои чувства к любимому, надеясь на скорую встречу и храня верность с первого дня разлуки.

Культурная жизнь в деревне тоже потихоньку налаживалась. В клубе стали показывать фильмы, а по выходным иногда устраивались танцы.

Как-то Ленка уговорила Киру пойти с ней на новый фильм «Большой вальс». Знала, что подруга, ожидая жениха, на танцы не пойдёт, но кино посмотрит с удовольствием. Под впечатлением от волнующего душу фильма, красивой музыки и долгожданных писем, Кира расслабилась, повеселела и размечталась о приятном будущем.

Вдвоём они прогулялись по ночным улицам, а после присели на лавочке у еле светящегося окна одного из домов.

- Ты сегодня как первоцвет. Никак очередную весточку от Толика получила? – с завистью в голосе спросила Ленка.
- Получила, – Кира, легко вздохнув, улыбнулась.
- Что пишет?
- Пишет: как вернётся – сразу поженимся.
- Счастливая! А тут... Парней мало. Так можно и в девках остаться.

- Ну, ты не останешься! – Кира засмеялась, – своё с кровью выцарапаешь.
- Обязательно выцарапаю.
- Какой фильм хороший! После него на сердце легко и приятно делается, – сменила тему Кира, не желая дразнить Ленку разговорами о парнях.
- Мне тоже очень понравился. И артисты красивые, даже не верится, есть ли такие на самом деле!
- Хочешь, покажу фотографию Луизы Райнер, которая играла жену Штрауса?
- У тебя есть её фотография?
- Вот, любуйся, – и Кира вынула из кармана маленькое зеркало с изображением на крышечке артистки из «Большого вальса».
- Откуда у тебя это зеркальце? У нас в сельмаге таких в продаже не было, – удивилась Ленка.
- Это не из магазина.
- Аааа... Понятно!
- Что тебе понятно?
- Немцы подарили. И молчала. Тоже мне – подруга!
- С ума сошла! Никто, ничего мне не дарил!
- Не ври! Когда только снюхаться с ними успела?
- Лена! Перестань. Я расскажу тебе правду. Только по большому секрету.
- Отчего же до сих пор молчала?
- Вспоминать неприятно!
- Тогда рассказывай. Сохраню твой секрет.
- Обещаешь?
- Сказала же...
- Помнишь, прошлым летом я звала тебя по грибы, а у тебя мать в тот день приболела, и ты не пошла?
- Помню. И что?
- Я тогда немца утопила, который шёл к Дуне. Нечаянно.
- Как утопила? Сама?
- Так вышло. Он заставил меня нести его через брод на закорках. Я не удержалась и упала вместе с ним воду.
- Я бы тоже не удержала. Он же здоровый как конь! И что потом?
- Его затащило в омут, и он утонул.
- А зеркальце откуда?
- Оно было в сумке, которую немец повесил мне через плечо. Сумку я бросила в воду, а зеркало оставила себе.
- Понятно, – Ленка замолчала, но было видно, что ей очень хотелось ещё о чём-то спросить.
- Ну, говори, – Кира не желала недомолвок.
- Может он тебя насильничал? Я никому не скажу, если так... Не бойся!
- Дура ты, Ленка! Да я бы тогда сама утопилась!!
- Я бы тоже.
- Ну вот... А мелешь глупости.
- Зеркальце красивое, – казалось, Ленка успокоилась.
- Дарю! Мне не жалко, – у Киры после трудного разговора с подругой отлегло от сердца, и она без сожаления вручила ей немецкий трофей.
- Ой! Спасибо! – Ленка прижала зеркальце к груди и чмокнула Киру в щёку.

А дома Кира задумалась. Уж очень ей не понравились расспросы подружки! И зачем не выбросила тогда это чёртово зеркало, позарилась на чужое добро и теперь остаётся надеяться только на Ленкину порядочность. А есть ли она у неё? Беда в том, что подруга была влюблена в Толика с детства, и Кира о том знала. А тут ещё война – каждый парень в деревне на счету и нарасхват! Ох, Кира, Кира! Что же ты наделала! Радость о скором возвращении Толика окрылила, ты и забыла о человеческих пороках.

***

Толик вернулся, немного прихрамывая, и на полгода раньше окончания войны. Бабушка увидела его в день возвращения. Парень обещал к концу дня зайти к невесте обязательно, а до того желал встретиться с матерью, помыться и немного отдохнуть.

Кира прождала Толика весь вечер. Он не пришёл. Не было его и утром следующего дня. От окна девушка не отходила... А к обеду увидела, как мимо их дома, ни от кого не таясь и мило беседуя, шли, взявшись под руки, её жених и лучшая подруга.

Кира всё поняла... Видимо, Ленка выставила её перед Толиком очень некрасиво, выдумав всякие глупости! Кире хотелось наложить на себя руки, но пожалела бабушку. Как та одна останется, и кто её кормить будет? И тогда она решила встретиться с парнем один на один и объяснить.

В ближайший воскресный вечер Кира пришла в клуб одной из первых. Села на лавочку и стала ждать. Он появился без Ленки. Кира, боясь, что та вот-вот явится, тут же к нему подошла.

– Здравствуй, Толик! Почему не заходишь, – выпалила она одним махом и зарделась.

Произошедшее дальше, Кира запомнила на всю жизнь. Такой грязи и помоев в свою сторону она больше никогда не получала.

– Пошла вон! Подстилка! – зло прокричал он и захохотал.

Удар словом был страшный! Казалось – лучше бы убил! Слёзы хлынули из глаз, и она пулей вылетела из клуба, даже не заметив шедшую навстречу подругу.

Дома Кира сразу улеглась в постель, но уснуть не получилось. В мозгу крутилась одна и та же фраза: «Пошла вон!» И это он ей! Которая любила, верила, ждала... Обида и душевная боль захлестнули по макушку. Жизнь для неё остановилась. Так она лежала какое-то время. Потом встала, достала из-под подушки все письма бывшего жениха и стала со злостью их рвать и жечь в печке, а, глядя на огонь, потихоньку успокаивалась.

Вернулась от соседки бабушка. По её глазам Кира поняла – старушка уже обо всём знала. Слухи по деревне летят быстрее ветра. И чтобы успокоить единственного родного человека, она рассказала бабушке всю правду о случае с немцем, а после спросила:

– Ты мне веришь?

– Конечно, верю! Почему сразу ничего не рассказала? – бабушка, прижав внучку к себе, гладила по голове как маленькую.

- Это ничего бы не изменило? – девушка пожала плечами.
- А вот с Ленкой зря поделилась.
- Так вышло...
- Я её всегда не любила. Скользкая она: бывало к нам зайдёт и всё по углам зыркает, будто что-то выискивает. Глазки, что бусинки!
- Теперь всё можно сказать...
- Да я и раньше тебе говорила, только ты внимания на мои слова не обращала.
- Мы же с ней дружили...
- Она с тобой из-за Толика дружила.
- Бог ей судья! Но как же он на её слова купился? Не зашёл, не поговорил...
- Вот именно: купился! Жить Ленкина семья всегда умела. При немцах со старостой ладили и сейчас с властью дружатся. Ведь это Ленкина мать Дуню с потрохами офицеру продала!
- Откуда знаешь?
- Митька-милиционер шепнул. Не хотел он Дуню сдавать – дети у неё. Пятеро! Кормить-то их надо... Вот и привечала она немца за подачки. А теперь Дуню отправили в лагерь, а детей в детдом.
- Вот оно как! Мне Ленка о том ничего не говорила.
- Твоя Ленка всегда хвост по ветру держала. Вся в матушку!
- Ох, бабушка! Как же жить теперь?! Столько грязи. За что? – Кира заплакала.
- Поплачь, поплачь! Слёзы успокоят. А жить всё равно надо.

В эту ночь не могли уснуть обе. Внучка слышала, как старушка, вздыхая, вертелась на своей постели и затихла только под утро. Тогда и Киру окутал липкий сон. Ей виделась Ленка, которую она тяжело тащила на закорках в гору, а дотащив, неожиданно для себя сбрасывала вниз, потом опять тащила и опять сбрасывала...

Кира проснулась и очень удивилась тишине в доме. Обычно бабушка вставала рано, топила печку, грела воду, а после будила внучку. Сегодня Кира решила хозяйничать сама. Когда вода в чайнике закипела, она сняла его с печи и подошла к бабушкиной кровати. Старушка была мертва...

***

Война закончилась. В деревню возвратились те, кто победил и выжил. Отцвели сады, зазеленели поля... Но ничего этого Кира не замечала. Что-то ела, пила, уходила на работу, а вечером, не раздеваясь, укладывалась в постель. Ни с кем не разговаривала, похудела, осунулась.

Как-то вечером в середине лета в её дверь постучали. Она, молча, открыла. На пороге стоял дядя Митя.

«Наконец-то! И по мою душу власть пожаловала. Вот и ладно», – равнодушно подумала девушка и пригласила деревенского милиционера присесть.

- Здравствуй, дочка! – поздоровался он.
- Здравствуйте, дядя Митя.
- Ты не стой, садись! Разговор у нас будет долгий, – он сам пододвинул Кире табуретку.
- Я готова.

- Ох, девка! Не нравишься ты мне.
- Я сама себе не нравлюсь.
- Вот... сахарок принёс, – и мужчина достал из кармана небольшой кусочек сахара, – сладенькое не помешает. Исхудала-то как!
- Спасибо, дядя Митя! Не хочу. Ничего не хочу.
- Ты брось это! Понимаю: плохо тебе. А потому, давай, рассказывай! Спокойно и по порядку.
- Дядя Митя, о чём рассказывать?
- Обо всём! О немце, о Ленке, о Толике.
- О немце расскажу. А о Ленке с Толиком не буду. Раз поженились – пусть живут.

И Кира спокойно, во всех подробностях рассказала милиционеру об одном неприятном походе за грибами.

- Так тебя, дочка, наградить надо, – выслушав хозяйку дома, неожиданно сказал он.
- За что? – Кира обомлела.
- Немец утонул?
- Утонул.
- Значит, на одного фашиста стало меньше. А был бы жив, сколько наших бы ещё убил!
- Я не нарочно. Так получилось.
- Без разницы. Его же нет?
- Нет.
- Вот и ладно. Не грусти! Ты ни в чём не виновата. И насчёт сплетен не переживай! Я Ленке и её матке рот-то закрою. Давно за этими воровками наблюдаю.
- Почему воровками?
- Ночью поймал обеих. Пытались склад вскрыть.
- И что теперь будет?
- Пока молчу, но могу и заявить. Посмотрим, как дальше себя вести будут.
- Толик был с ними?
- Не переживай! Не было, – дядя Митя усмехнулся.
- Уже не переживаю. Так спросила... А эти выходит у своих воруют.
- Разберёмся! Я к тебе по делу пришёл.
- Какому? – Кира напряглась.
- В Правление пришла разрядка на одного человека для поступления в педучилище. Я предложил твою кандидатуру. Мы с твоим батюшкой дружили, а он геройски погиб, – и дядя Митя, тоном не терпящим возражения, добавил, – отучишься – вернёшься!
- Спасибо вам!
- Значит, согласна?
- Конечно, согласна!
- Вот и умница. А женихи ещё будут – поверь. Твоё сердце одно не останется!

Вот так, совершенно неожиданно, местный милиционер решил за Киру её судьбу.

«Как странно жизнь устроена и какие люди разные, – думала она, – считала Ленку лучшей подругой, а она оговорила по-чёрному, любила Толика, а он предал, боялась дядю Митю, а он оживил».

***

Прошло время...

Кира, отучившись, вернулась в родную деревню и не одна, а с мужем. Она стала преподавать в младших классах, а её супруг – выпускник сельскохозяйственного техникума – был определён на должность главного зоотехника в их колхозе.

Однажды у школы Кира встретила Толика, который уже не в первый раз пытался с ней заговорить, но она постоянно делала вид, будто его не замечает или очень спешит.

– Кира, здравствуй. Прости меня. Я – дурак, – сказал негромко, но очень внятно. Эту фразу давно лелеял и про себя не раз проговаривал.

– Поздравляю, – Кира улыбнулась, – от меня, чего надо?

– Решил поздороваться.

– Извини, мне домой пора! Мужа кормить, – сказала и ушла.

Он с тоской посмотрел ей вслед, а после, махнув рукой, пошёл к сельмагу. И этим вечером из дома, где жили Ленка и Толик, была слышна непотребная пьяная ругань молодого семьянина, почему-то обзывающего свою жену «подстилкой».

08.04.2017г.

Нюрка-санитарка

Здравствуй, моё мирное будущее!

Писать не на чем, бумагу выдают редко, потому просто поговорю с тобой. Часто так делаю: то с мамой будто беседую, рассказывая ей о своём военном житье-бытье, то как бы со школьной подружкой болтаю, то с папой... Правда, папы уже нет. Убили через год, как забрали на эту войну. Вместо него я сюда напросилась.

Моё имя Аня, по-простому Нюра. Так зовут меня солдатики, а иногда называют Нюркой-санитаркой. Пусть! Я не в обиде. Раненые и истекающие кровью, им не до ласковых слов. Они кричат и стонут! Иногда страшно, а иногда еле слышно:

– Нюююрааа, я здесь, я здесь, – прошлый бой звал меня молодой сержантик. – Ногааа, ногааа... Нюрааа!

Вытащила его с поля боя. Увезли. Теперь в медсанбате лечится.

– Нюрочка, Нюра, помоги родная! В башке дырка, глаза кровью залило, не вижу ничего, – тихонько стонал здоровый дядька.

Тоже его вытащила, и он жив остался.

Но бывает, и такое услышишь:

– Б****, Нюрка! Где тебя носит! Кишки вываливаются...

Только слова не важны. Мне главное услышать голос раненого, успеть до него добежать или доползти, чтобы помочь. И помогаю... Уж как могу – по мере своих сил и возможностей. А сил не так много. Вес мой всего три пуда. Ем вроде хорошо, но не поправляюсь. Потому как работа моя нервная и трудная. Взрослый человек очень тяжёлый. Дотащи-ка раненого мужика до безопасного места! Так всё, что есть внутри тебя – наружу вылезет. Не родить мне, наверное... Никогда. Если, конечно, доживу до своих родов.

Скоро утро. И будет наступление с нашей стороны. А мне не спится. Мысли нехорошие лезут в голову, что меня убьют или ранят, а помочь некому... Нас на батальон всего две санитарки осталось, да и от самого батальона меньше половины. Вот, если наши ребята возьмут сегодня высоту, то нам пришлют подкрепление и тогда санитарок тоже прибавится. Веселее будет! Хотя о войне так не говорят.

Надоели мужики: посекретничать не с кем. Уже в плечо Акимычу плакалась. Он на старого деда похож. Бородатый. Защитил меня как-то... От наших же! Молодые пристают, иногда не отбиться. Любится хотят... А жаловаться стыдно. Тот, кто пожалеет, потом сам же тебя и домогается. Уступаешь... А что делать? Предупреждали нас девчонок о таких делах! Старшие товарищи предупреждали, когда на войну отправляли. Да и мама говорила, что я совсем ребёнок и мне рано воевать. Я не верила. Думала – здесь не до любви и желаний, здесь все мысли должны быть об одном: гнать врага с родной стороны! Оказалось, и на войне все всего хотят. А может эти желания ещё больше именно тут обостряются! Ведь сейчас ты жив, а через

мгновение – неизвестно! Потому, когда пули не свистят, нет бомбёжки, и наступает временное затишье, то солдатики выпрашивают любовь и ласку у нас – санитарочек!

Устала я. Домой хочу. К маме!

Светаёт... Пойти спокойно пописать, пока все спят. Тоже проблема! Хотя, здесь стеснение быстро пропадает. Не до того! Живём, как одна большая семья. А в семье все её члены разные. Есть добрые и понимающие, а есть злые и жестокие. Уже стала разбираться в людях. Одним и улыбнуться не грех, а других лучше сторониться. Но когда идёт бой и есть раненные, то тащу на себе любого. И хорошего, и плохого – без разницы!

Вон и Ванюшка в кусты прошмыгнул: меня бы не увидел...

Всё. Полегче стало.
Пойду в свой санитарный блиндаж.
Может, усну чуток...

Ванюшка – мой ровесник. Болтаем с ним иногда. Просто как друзья. На фронт тоже сам напросился. И воюет нормально, за чужие спины не прячется. Жалко будет, если убьют. У него и невеста дома осталась. Письмо от неё мне читал. Красиво! Стихами написано! Мне так не суметь. Да и сам Ванюшка – парень умненький. Видимо много книжек мудрёных прочитал – чувствуется по разговору. Так что он своей подружки стоит.

А я пока сердечного дружка не встретила. Ну... Чтобы любить только его и никого больше! И он бы только меня – любил, защищал, берёг! Хочу, как у Веры – моей напарницы... У неё с нашим лейтенантом любовь. Настоящая! Все знают и ему завидуют. Потому что Вера красивая, статная и умная. Не то что я – замухрышка страшенькая. Она уже два года воюет. Сказала мне по секрету, что ждёт ребёночка. Значит, уедет скоро. Везёт! Хоть отдохнёт немного. А там видно будет... Может и война закончится! Дай-то бог!

Ну, вот и командир проснулся.
Слышно как кружкой гремит.
Наверное, чай пьёт.
Скоро подъём!

Командир наш – человек правильный. Так все говорят! Мне как-то сказал, что если кто будет приставать, сразу ему докладывала. Я и доложила однажды... Вышла тогда от командира, а навстречу Вера попала и прошептала мне на ухо, что мой обидчик сражён шальной пулей. Я даже заплакала. Жалко стало человека. Больше никому не жалуясь – сама со своими бедами справляюсь.

Так и не уснула, и не хочется! Тоже сейчас кипяточку глотну и сумку с бинтами ещё раз проверю. Сегодня бой. Для кого-то последний. Моё дело спасти тех, кто ещё живой – хоть капельку, хоть чуточку!

До скорой встречи, моё мирное будущее!
Надеюсь, мы с тобой ещё не раз поговорим.

Твоя Нюра. Санитарка.

27.04.2015г.

Неизбежность края

Она бежала из последних сил...
Всё глубже в лес! В самую чашу! По кочкам и буеракам!
Пока ноги несли, пока хватало воздуха.
Решила, если что... То лучше здесь, чем там!

Мелькали стволы деревьев и кустарник, ветки били в лицо. Она спотыкалась, падала, вставала и продолжала бежать. Слышала за спиной тяжёлое дыхание своей преследовательницы, её окрик матом и приказ остановиться. Не останавливалась. Бежала! В висках стучала кровь, по лицу струился грязный пот, икры ног одеревенели. Всё! Выдохлась. Теперь смерть. Другого не дано! Знала наверняка...

Но что это? Справа!
Она на краю обрыва, а внизу речка.
Кубарем скатилась вниз. И сразу в воду!
Обожгло, освежило, поплыла...

«Неужели вырвалась?» – мелькнул и тут же погас луч надежды. По воде зашваркали пули... Часто! Мгновение озарилось ярким воспоминанием: «Чапай! Я – Чапай!» – мысленно успела усмехнуться и всё кончилось. Она – Чапай.

А её преследовательница Клавдия Петрова – старшина МВД⁵, служившая в одной из многочисленных зон ГУЛага на просторах необъятной Сибири, стоя на краю обрыва, шурилась, вглядываясь в речную гладь... Тихо. Круги на воде разошлись. Тело беглянки ушло под воду. Речка в этом месте неширокая, но глубины достаточной. Можно возвращаться. Только надо немного успокоиться...

Рядом звонко хрустнула ветка! Она вздрогнула. Осмотрела обойму. Пустая... На эту тварь израсходовала! Не догнала, как обещала. И не задушила собственными руками, как тоже обещала. Достала пулей. Пусть так... Не жалко! Странно, но удовлетворения от случившегося не ощутила, успокоения тоже.

Оглянулась вокруг...
Жутко. Одна. В тайге!

Пока бежала за этой гадиной ничего не чувствовала. Погоня захватила. Погоня и злость! А ещё желание отомстить сучке. Интеллигентке хрЕновой! За нечаянный насмешливый взгляд, за внутреннюю свободу, которая чувствовалась у той даже в жутких лагерных условиях. Это бесило и унижало перед остальными зечками. Ишь, раздухарилась! При живом вожде век не поднимала, дышала вполсилы, а тут вдруг осмелела. Запах свободы померещился? Зря तोпились... Пока ещё колёсики крутятся только в одну сторону.

Рядом опять слышала хруст.
Опять оглянулась! Никого.
Только тайга. Красивая, тяжёлая, живая...

---

⁵ – НКВД – НКГБ – СМЕРШ – МГБ – МВД (1934—1954)

Лето в разгаре и зверья всякого полно. Об этом помнила. Мысль мелькнула, что зря собаку не взяла. И тут же себя успокоила. Нормально! Сама справилась. А из леса она выберется. Не впервой бегать за «зайчихами».

Местность знает хорошо – рядом таёжный посёлок. Отсюда к нему ближе, чем к лагерю. Всего полчаса спокойной ходьбы и с почтового отделения по телефону вызовет машину. А там доложит начальнику, что зечка за № Б-364 при попытке к бегству была убита вне территории лагерной зоны. Правда, доказательство на дне реки рыб кормит, но кому оно нужно это доказательство! Кто проверять станет! Все вертухаи лагеря поступали с проштрафившимися и шибко резвыми именно так. И пусть бога благодарит за лёгкую смерть, что не была отдана на растерзание уголовникам. Уж те бы постарались! До души «залюбили» бы...

Зато ей теперь может и звёздочку дадут... Пусть маленькую, но куда торопиться – вся жизнь впереди! Всё должно идти своим чередом. Надо только обставить этот побег правильно и раскрасить в нужный цвет. А Клавдия сможет, обязательно сможет! Семилетний опыт работы в лагере уже имеется. Так что осталась ерунда – рядовой рапорт и можно сверлить дырочку на погонах.

А ведь она и эта беглая зечка с одного года. Каждой чуть больше тридцати. Читала её «Дело». И на фотографии та выглядела как артистка. Красивая. Только здесь все красавицы в скором времени становились старухами. Тяжёлая мужская работа на лесоповале и плохая еда превращали когда-то пышные и здоровые тела в измождённые, высохшие тени. Живой блеск в глазах быстро пропадал, и взгляд становился затравленным и похожим на взгляд несчастного животного из самого захудалого шапито.

...Впереди в низине показался рабочий посёлок.
Клавдия разглядела его с пригорка сквозь ветви кустарника.
Ну, вот... Почти добралась.

И вдруг кольнуло в самое сердце! Беглянку звали Ольгой. Как Клавиноу дочку, умершую в раннем младенчестве. Прижила её от майора СМЕРШ. Там... На войне. Долго плакать и расстраиваться было некогда. Двигалась за войсками со своим майором на запад, числясь штабной телефонисткой. Старалась находиться всё свободное время рядом с ним. Замечала иногда: тот будто прятал что-то от неё, скрытничал и мало о себе рассказывал, ссылаясь на особую работу. А когда война закончилась, выяснилось: у него есть сын и любимая жена, к которым собирался вернуться с пятью большими чемоданами добра в придачу. Тогда и признался, что жена учительница, начитанная, интеллигентная дама. С ней интересно! Потому пусть телефонисточка не обижается и не мешает ему спокойно жить с семьёй, заодно поспособствовал с устройством на работу в эту лагерную зону – с глаз долой!

Клавдия поначалу загрустила, но прибыв по месту службы и обосновавшись, сумела оценить своё превосходство перед зечками и более-менее сытую жизнь в непростые послевоенные годы. Потому решила не торопиться уезжать на «материк», а послужить здесь в удовольствие. И что? Всё вполне достойно! Не то что у этой Ольги. Клавдия опять вспомнила её «Дело»...

Та сразу после школы напросилась на войну санитаркой, будто без неё бы не обошлись! Попала в плен, потом пришло освобождение и сразу этапом в лагерь. Происхождением из служащих, считай – врагов! Вечно эти интеллигентки под ногами путаются... Сколько можно?

Книжек начитались и думают своей учёностью мир затмить! Ольга тоже умудрялась офицерам из охраны мозги пудрить, на все вопросы ответы раздавать. И ведь её слушали, даже уважали. В больничке лагерной работала – это не лес валить! А вечерами в библиотеке «паслась», книжки перебирала. А как Сталин умер, так в неё будто бес вселился, стала болтать о незаконности происходящего. Точно! Книжек перечитала! И как-то обозвала Клавдию Салтычихой. Не в лицо, конечно... За что была избита прикормленными уголовницами и отправлена на самую тяжёлую работу.

А вчера перед отбоем они встретились один на один в библиотеке, и зечка получила по морде книгой – просто так, чтобы знала! В ответ прозвучала фраза... Без интонаций! «Ох, Клавдия. Сдохнешь в канаве». В первый раз старшина услышала своё имя всуе из уст заключённой! Видимо, когда человек ощущает неизбежность края, у него пропадает страх. И вот теперь эта погоня...

А ведь Ольге кто-то шепнул, что сегодня в лесу на делянке ей уготовлена казнь! Потому та и побежала... Наобум! Не готовясь.

...Клавдия вышла на лесную дорогу. Ещё немного и будет небольшой поворот, переходящий в единственную улицу посёлка. Человеческих голосов не слышно, только редкий собачий лай. Народ трудился, создавая и творя светлое будущее, выполняя и перевыполняя план по лесозаготовкам.

Всё тихо. Можно не торопиться.
Большое облако скрыло солнце, слегка потемнело.
А сколько земляники по обочине!
Она наклонилась, сорвала несколько крупных ягод.
Вкусно!

Подняла голову и увидела впереди себя, что-то большое...
Очень!
Вгляделась, щурясь...
Подумала: «С глазами беда. Совсем плохо видеть стала».

«Большое» походило на огромную бочку из-под солянки. «Эти работяги вовсе обленились, уже бочки на полдороге разбрасывают», – мелькнуло в голове и... Обомлела...

«Большое» зашевелилось! Медведь! Землянику ест...

Успела снять с плеча карабин!
И тут же вспомнила...
Обойма пуста!

...Сначала нашли карабин.
Чуть поодаль окровавленный ошмёток формы.
А в ложбинке, что вдоль дороги – всё остальное.

P.S. На другой день в лагерь привезли долгожданную почту.

Начальнику под роспись вручили толстый конверт. В нём находился список заключённых подлежащих амнистированию, в числе которых значилась Ольга Быстрова – зечка № Б-364. После оформления всех обязательных процедур ей разрешалось поселиться на постоянное место жительства в Магадане.

А на имя Клавдии Петровой пришло письмо частного характера. Его вскрыли и прочитали. Писал полковник МВД*, видимо хороший знакомый старшины. Он сообщал, что брошен женой, а потому готов соединиться узами брака с Клавдией. Также обещал своё содействие в её устройстве на новое место службы в Москве. Ему написали о произошедшей трагедии, а письмо подшили в «Дело» погибшей...

23.12.2015г.

Пропавшая

Каждый вечер он приходил в это маленькое кафе. Садился за столик, просил официанта принести бокал белого вина и смотрел на закат, ожидая, когда солнце полностью укроется дальним краем морского покрывала. Тогда вставал и шёл через дорогу в гостиницу. Через два дня он улетит к себе домой – в небольшой уральский городок, в котором нет набережной, а есть облупленные старые дома, раздолбанные дороги и хмурые лица людей. Когда думал о возвращении, его сердце сжималось от тоски и желания остановить время. Усилием воли успокаивался, обещая себе, что на будущий год опять постарается выбраться куда-нибудь подальше от дома.

Да, скоро уезжать... Но пока-то он здесь! Сидит в кафе, пьёт вино и, вдыхая полной грудью целебный воздух, продолжает наслаждаться каждым мгновением безмятежного вечера. А ещё наблюдает за отдыхающими и местными жителями, отмечая интересные подробности в их поведении, и по привычке прислушивается к чужой речи. Подумав о речи, усмехнулся: «Профессионализм не пропьёшь! Столько лет прошло, а то чему когда-то учился, не забылось, хотя давно уже оказалось без надобности»

Краем глаза заметил, как к соседнему столику подошли две пожилые дамы. Усевшись, лениво взяли меню и так же лениво стали его просматривать. Обе в шляпках, одетые во всё белое, невысокие и стройные как молоденькие девушки. Это мужчина отметил мимоходом и тут же о них забыл. День прожит, солнце вот-вот закончит рабочий день в одном месте и начнёт службу в другом, а ему можно будет спокойно отправиться спать. Пора! Он далеко не молод.

Рядом послышался приглушённый смех, и до него донеслась фраза, от которой на мгновение он впал в оцепенение... Не может быть! Возможно, ему показалось?

– Как ты сказала? – будто специально переспросила одна из женщин на русском.

– От чая я впадаю в отчаяние, – тоже на русском повторила фразу другая и опять тихонько засмеялась.

– Тогда по бокалу вина?

– Можно.

Значит, он не ослышался: «От чая я впадаю в отчаяние». Фраза несурзная, но очень знакомая. Её придумала Мадлен. Очень-очень давно! И он хорошо помнил, как это было...

Его подопечные получили задание – сочинить необычные пароли и отзывы. Вот Мадлен и постаралась. Правда, пришлось девушку огорчить: на немецком её придумка потеряет всю прелесть звучания, да и чай прерогатива Англии, а не Германии. Но странное словосочетание понравилось и им стали пользоваться в группе, когда обыгрывали встречу связного и резидента: «Вам чай или кофе? От чая я впадаю в отчаяние».

Мужчина грустно усмехнулся: «Что со мной? Сердце тревожно ёкнуло, как в те далёкие времена. С чего вдруг? Даже, если фраза сейчас произнесена именно Мадлен – живой, здоровой и пьющей рядом со мной вместо чая вино. Что я ей скажу? Обвинить? Но она никого не подставила, никого не предала...»

Думать о прошлом не хотелось. Продолжая цедить вино, он помимо воли прислушивался к разговору за соседним столиком. О чём говорят собеседницы, его абсолютно не интересовало! Его интересовал тембр голоса той, которая только что произнесла отзыв на пароль. Убедившись, что не ошибся, что голос принадлежит Мадлен, уйти уже не мог. Захотелось с ней поговорить. Не обязательно о войне. Хотя, можно и о ней... Все прежние секреты теперь не актуальны и состарились вместе с людьми. За давностью лет даже дезертиры, прятавшиеся всю войну по лесам и чердакам, своё получили и отпущены на свободу.

Мадлен сидела к нему спиной, но в какой-то момент, почувствовав энергию постороннего человека, медленно обернулась.

– Александр? – спросила на удивление спокойно.

«Вот оно! Интуиция тебя никогда не подводила», – мужчина опять усмехнулся и утвердительно кивнул:

– Александр.

Сначала удивился, что она не испугалась, не сбежала, а попрощавшись с подругой, запросто присела к нему за столик. Впечатление: будто встретила доброго знакомого, с которым рассталась совсем недавно. Но после понял: бояться ей нечего, она свободный человек и прятаться не будет.

– Пойдём на берег. Там поговорим, – попросила она.

– Отчего не здесь? – он пожал плечами.

– Уже стемнело. В ночи среди построек голоса раздаются эхом. Ты же знаешь... Незачем окружающим знать наши тайны. А у залива сейчас никого нет. Вспомним прошлое под тихий плеск волны, – почти напевая, сказала она и улыбнулась.

– Хорошо. Идём! Кстати, как твоё имя?

– Забыл?

– Неужели Мадлен?

– Необходимости менять его не было. Те документы были сделаны отлично и никаких придилок ни у кого не вызывали.

Они присели на жёлтый песочек... У ног еле слышно шуршала водичка, на тёмном небе сверкали звёзды, в стороне раздавалась музыка с дискотек. Хорошо, празднично, спокойно.

– Я слушаю, – сказал он.

– Знаешь, каждый раз перед сном я пересказываю кому-то неведомому историю своей жизни. Иногда оправдываюсь перед ним, иногда плачу, а иногда готова его растерзать!

– Я тоже часто вспоминаю прошлое.

– Меня же никто не спросил, хочу ли я быть разведчицей? Ты пришёл к нам в школу и просто ткнул в меня пальцем, – не слушая собеседника, сказала Мадлен.

– Мне понравилась симпатичная «медхен» с беленькими кудряшками.

– А я тебя всегда боялась. Ты был очень строгим руководителем.

– Когда пришло известие, что самолёт разбился, я чуть с ума не сошёл. Группа сгинула. Надо готовить новую. Время идёт... Начальство звереет. Поверишь? Я плакал!

Он замолчал. И тогда она продолжила свой рассказ – спокойно, без принуждения, будто о постороннем.

– По инструкции я прыгала первая. Когда летела вниз, заметила, что с нашим «дугласом» что-то не так. А после услышала взрыв и всё! От линии фронта далеко, радист погиб, лётчик тоже, кругом ни души... Конкретного задания нет: должна была просто обосноваться. Сначала растерялась. Потом взяла себя в руки. Карта местности – в голове. Рядом речка. Парашют и комбинезон закопала, умылась, привела себя в порядок. В брючках, кофточке и вязаной жилетке – молоденькая немочка спокойно идёт к бабушке, от серого волка не прячется – всё по легенде... Раннее утро. Вокруг тишина и покой. Никакой войны! В лесу поют птички, в полях – цветочки. В моей душе заиграла музыка, и я ощутила у себя за спиной крылья. Я переродилась, я стала другой. И жизнь у меня другая. Так почему не начать её сначала. Есть документы, есть немного денег, знаю немецкий и французский. До моря недалеко. Сяду на любой пароход и «адыю». А дома решат, что я погибла вместе с тем самолётом.

– Так и решили, – вздохнул Александр.

– Но я ведь действительно могла погибнуть. И тебе всё равно пришлось бы готовить новую группу.

– Куда деваться.

– Вот видишь!

– Я тебя не обвиняю. Каждый выбрал свою дорогу.

– Считай, что это сдвиг по фазе.

– Ты сирота. Тебя никто дома не ждал. Может твой сдвиг по фазе именно из-за этого.

– Наверное. Когда в тридцать седьмом отца и мать забрали, я думала, что умру от одиночества и горя. Потом детдом... Училась хорошо, но подруг и друзей не было.

– Именно такая девушка мне и была нужна. Ты была лучшая по физической подготовке и отлично знала немецкий, а ещё... Очень одинокая и независимая.

– Твоя наука мне пригодилась. Может потому нигде не прокололась.

– В нашей разведшколе учили неплохо.

– Даже очень неплохо.

– Удивительно, но я не видел в тебе авантюристку.

– Ты видел во мне «рабочий материал».

– Служба... Так ты на пароход села?

– Не понадобилось. Какой-то фермер подвёз на своей бричке до небольшого городка. Это был север Германии. Пошла в кино – всё по инструкции, там познакомилась с парнем. Дантист. Бельгиец. Ласковый, добрый, хорошо знающий литературу и понимающий музыку. Раньше мне такие молодые люди не встречались. Через неделю после нашего знакомства предложил руку и сердце. Жить мне было негде, я согласилась и взяла его фамилию. Чуть позже поменяла документы. Через год мы переехали на запад Франции и оказались здесь. Купили дом. Потом закончилась война. Больше ничего интересного...

– И никуда не уезжала?

– Зачем? Признайся, что о нашей группе моментально забыли. А моё «Дело» спрятали в архив на самую дальнюю полку.

– Забыли, конечно.

– Я навсегда запомнила твои слова, произнесённые якобы в шутку...

– Какие?

– Что мы одноразовые разведчики для одноразового задания.

– Не помню. Неужели я такое говорил?

– Было дело.

– А дети? У тебя есть дети? – перевёл он разговор на личную тему.

- Откуда? После наших тренировок?
- Муж жив?
- Нет. Давно одна. А ты?
- Был женат. Есть дочь и внук.
- Повезло...

Они замолчали. Всего несколько слов о себе – и все тайны раскрыты. Ничего особенного. Обычная жизнь обычных людей.

- Я рада, что встретила тебя, – сказала она.
- Я тоже. Рад, что ты жива.
- Хочешь остаться? Будешь каждый день сидеть в кафе, смотреть на залив и пить своё вино.
- Уже нет. Хочу домой, – он посмотрел на неё и спросил, – а ты хочешь домой?
- Мой дом здесь. Мне хорошо.
- Лукавишь...
- Почему?
- Было бы хорошо, ты бы меня не окликнула. Испугалась бы...
- Чего?
- Потерять покой, потерять, что имеешь.
- Я давно ничего не боюсь.
- Прости.
- Не за что. Мне пора.

Они вместе вернулись к тому самому кафе, а после попрощались и разошлись...

Спал он плохо. До утра в голове вертелась одна и та же мысль, что зря обидел немолодую женщину. Каждый волен выбирать свою судьбу сам.

На другой день, гуляя вдоль набережной, Александр постоянно оглядывался по сторонам, желая увидеть старую знакомую ещё раз. Но её нигде не было. «Может мне показалось, и никакой Мадлен нет? Глючит, наверное! Военное прошлое покоя не даёт. Всё из-за одиночества. Надо было взять с собой внука. С ним бы не заскучал. Только и думал бы, чем накормить и как развлечь», – ругал он себя.

Вечером, когда в том же кафе пил вино, к нему подошла женщина, которая накануне сидела за одним столиком с Мадлен.

- Вы Александр? – спросила она.
- Да.
- Это вам, – она подала ему конверт.
- Что-то случилось? Где Мадлен?
- Её больше нет...
- Уехала?
- Умерла.
- Я вчера с ней разговаривал!
- Чай. Она выпила чай...
- Отравилась? Зачем?
- Не знаю.

- Какая она была? – спросил он, сожалея, что мало поговорил с Мадлен.
- Хорошая...
- Верю.
- А ещё в ней всегда ощущалась затаённая тоска. Больше не могу говорить, – женщина поднесла к глазам платок.
- Вы хорошо говорите по-русски, – чтобы успокоить, он сделал ей комплимент.
- Мы с Мадлен преподавали в одном колледже. Сейчас много русских приезжает к нам на отдых, захотелось выучить ваш язык.
- Давно её знали?
- Почти всю жизнь. А вы?
- Случайные знакомые...
- Придёте на похороны?
- Когда?
- В конце недели.
- Нет. Я завтра лечу домой.
- Тогда прощайте.
- Прощайте!

Женщина ушла. Какое-то время Александр сидел совершенно потерянный. Потом вспомнил о конверте. Вскрыл. Увидел чек на несколько тысяч евро и письмо...

«Не вини себя, – писала Мадлен. – Я же могла тогда затаиться и подождать связного в условленном месте. Возможно, он бы меня нашёл. Но я не захотела. Мне надоело бояться! Бояться вас всех. Помню, как конвой НКВД уводил моих родителей... Они шли, как на заклание – без крика и слёз. В детдоме тоже все всего боялись. Нянечек, воспитателей, друг друга. Потом учёба в твоей группе – опять один крошечный страх. Не дай бог ошибиться! Даже родину любить было страшно. Любить можно было только одного человека, портрет которого висел во всех кабинетах любого учреждения. Я успокоилась, когда мы с мужем переехали во Францию. Будто вериги сбросила, но всегда следила за всем, что происходило на родине. Радовалась вашей перестройке, мечтала вернуться домой. Всегда с удовольствием общалась с соотечественниками. И вот увидела тебя! Прости, что подарила себе долгую жизнь. От чая я впадаю в отчаяние...»

***

Весь полёт Александр продремал. Очнулся перед самым приземлением. И тут же с тоской подумал о Мадлен: «Зачем она это сделала? Зачем? Жила бы себе и жила. Столько сволочей ходит по земле и ничего – здоровенькие! Называется – отдохнул за границей... Всё. Хватит! Больше никуда не поеду. Её деньги мне не нужны. Отдам внуку, пусть учится! А себе заведу собаку и буду с ней гулять».

В Москве пересел на поезд – до дома было ещё двое суток пути...

Проводница, проверив билеты, спросила:

- Вам чай или кофе?
- Кофе, – резко ответил Александр и скривился, будто от зубной боли.

13.04.2018г.

ГераВера

Посвящается Л. О.

1. ГЕРА

– Покурить пойду, пока ты дочку кормишь, – кивнул Гера жене и, прихватив «Беломор», вышел в сад.

Там всюду цвели яблони и вишни, а вдоль тропинки, ведущей к беседке, радовали посаженные женой первоцветы. Сколько лет он мечтал о доме и саде! И вот оно – его собственное, сработанное своими руками, теперь перед ним! И можно спокойно отдохнуть, закулив папироску, а ещё можно достать припрятанную в смородиновый куст бутылочку и глотнуть винца. От него разливается по телу приятная истома, иногда текут слёзы, и боль в груди становится чуточку меньше. Вера кормит годовалую дочурку, сын – первоклашка делает уроки, а он сидит на лавочке за столиком в ажурной беседке, которую смастерил по памяти – видел такую же в Австрии. Там в каждом дворе – и сады, и цветники, и беседки...

Заныло в груди...

Гера сделал ещё несколько глотков из бутылочки.

Боль не проходила.

Положил руки на стол, а голову на руки.

Перед глазами замелькали картинки из прошлого и настоящего. Он сидит в первом ряду местного клуба «Заря» и смотрит фильм. Фильм о своей жизни. В роли главного героя – он!

А рядом множество знакомых и незнакомых людей.

Что им нужно? Чего они хотят? Чего ждут?

Он честен. Ничего не скроет. Ответит всем.

Только не торопите! Ему очень больно...

***

Война закончилась.

На одной из станций к поезду, в котором Гера ехал с фронта, прицепили несколько вагонов с освобождёнными из фашистского плена гражданскими лицами. И как-то, прогуливаясь вдоль состава на длительной остановке, он заметил очень симпатичную девушку, вышедшую подышать воздухом из тех вагонов, и радостно откликнулся на её внимательный взгляд.

– Как зовут даму с печальными серыми глазами?

– Зовут Галей. Только я не дама! Я, бывшая пленница, угнанная фашистами с родной земли, чтобы работать на них.

– Таких много. Мы – солдаты в том тоже виновны. А меня Герой зовут.

– Очень приятно.

– Смотрю, вы одна прогуливаетесь?

– Со мной ехал родной брат, но два дня назад я похоронила его в чужой земле, – грустно ответила девушка.

– Много народа погибло в этой войне! Кто на фронте, а кто как ваш брат. Держитесь! Не плачьте. Теперь заживём!

– Я не плачу. Чтобы плакать, нужны силы, а у меня их не осталось, – Галя помолчала, а после спросила, – что у вас с рукой?

– Перелом был. Кости плохо срослись.

– В госпиталь едете?

– Направили в Киев. Там долечат.

– Давно воюете?

– Два года. Дошёл до самой Вены. Любите вальсы Штрауса?

– Вальсы слышала до войны. По радио его музыку часто передавали.

– Так я был в доме, где он жил.

– Повезло. И как живут австрийцы?

– Хорошо живут! Так добротны и ладно построены их дома! А в каждом дворе есть сад с беседкой, в садах – разные цветы. Вот вылечусь, женюсь и обязательно построю себе такой дом с садом и цветником! – размечтался Гера.

– Конечно, постройте, – смутилась Галя.

Они долго ехали, а изредка, встречаясь на остановках, разговаривали, вспоминая довоенное прошлое, а ещё мечтали о будущем, постепенно оттаивая от войны.

Галя тогда ему очень понравилась: взрослая не по годам, к тому же красавица! Незаметно для себя он стал представлять её в роли будущей хозяйки выстроенного им дома. Смущали глаза... Не смешливые и сытые как у австриячек, а очень внимательные и грустные, потому слегка не соответствовали сформировавшейся мечте. Но сегодня и сейчас трогали до глубины души! И сразу после госпиталя он поехал к ней.

Да! С Галей тогда нехорошо получилось.

Галю он предал. Или не предал?

Полюбил-то он Веру!

Увидел, полюбил и сразу женился.

В тот день зашёл в парикмахерскую, а там она! В белом халатике, с миленькими кудряшками, с ямочками на щёчках. Даже ошалел слегка. Это же именно та девушка, которую он представлял в своих мечтах! Присел в кресло перед зеркалом, а сам только на неё и смотрел. Вера со смехом предупредила:

– Не боитесь стричься у ученицы? Вы у меня первый клиент!

– Рядом с такой красавицей ничего не страшно! Если что, «под Котовского» переделать сумеете? – с улыбкой подыграл он.

– Кто же не сумеет? – смутилась от приятного комплимента хорошенькая парикмахерша.

На этом и порешили. Мило болтая, она чуть было не прикусила себе язычок от старания, а Гера не мог отвести от неё глаза. Кого-то эта девчонка ему напоминала! Не то домовитых и весёлых австриячек, не то девушку, ехавшую вместе с ним на родину...

Миленькая парикмахерша, явно заигрывая, спросила:

– Для кого таким красивым хотите показаться?

– Сватаюсь сегодня вечером к одной хорошей знакомой.

– Жаль! А я уже понадеялась, – многозначительно кокетничая, улыбнулась Вера.

И понадеялась не зря! Пришёл свататься к Гале, а взял за руку и увёл с собой в новую жизнь Веру!

Вдвоём они уехали в городок под Куйбышевом. Он устроился экскаваторщиком на стройку. Технику уважал и любил, да и руки росли, откуда нужно. Им выделили участок земли, на котором соорудили временку, чтобы перекантоваться несколько ближайших лет. А для постройки дома потихоньку закупали кирпичи, доски и другой необходимый строительный материал. Заодно разбили сад, каждый год сажали огород – места хватало.

Родился сын, через пару лет второй. Отношения между молодыми оставались как в первую встречу. Гера не ошибся и не пожалел, что связал свою судьбу с Верой.

– Гера-Вера! Как складно! – смеялись они, а порой так ласково друг друга в одно слово и называли, – Геравера, иди ко мне! Геравера, ты где?

Ему очень нравилась жизнерадостность и молодость Веруньки – это удваивало желание делать для семьи ещё больше.

Дом в мечтах хозяину представлялся из двух комнат с высокими потолками, кухней, большой верандой и балкончиком под крышей. В голове давно запечатлелась не только каждая деталь, но и последовательность всего строительства. Во дворе предварительно был вырыт котлован, а рядом возвышалась горка песка. Гера с удовольствием представлял, как займётся фундаментом, а там и кладкой стен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.